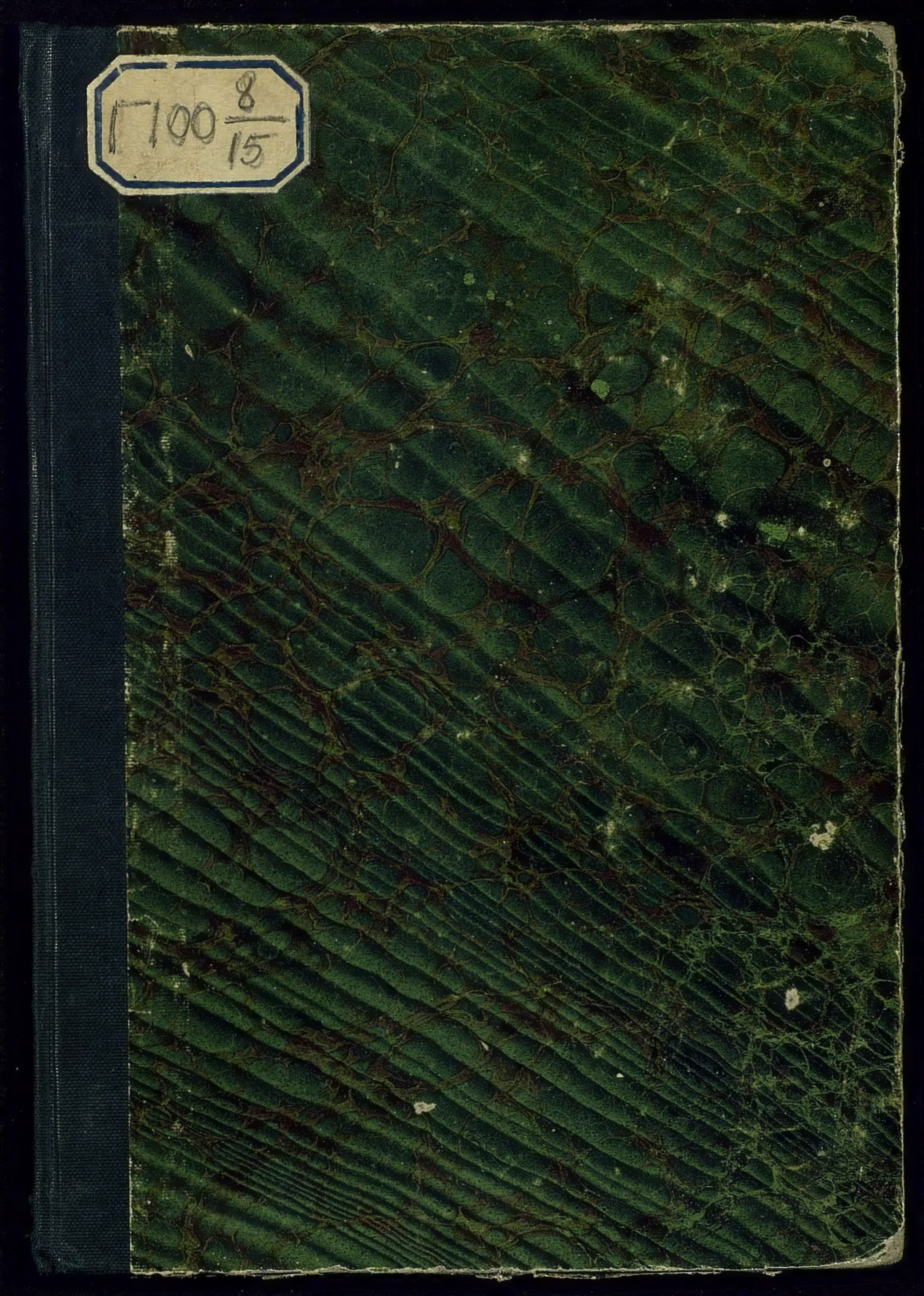
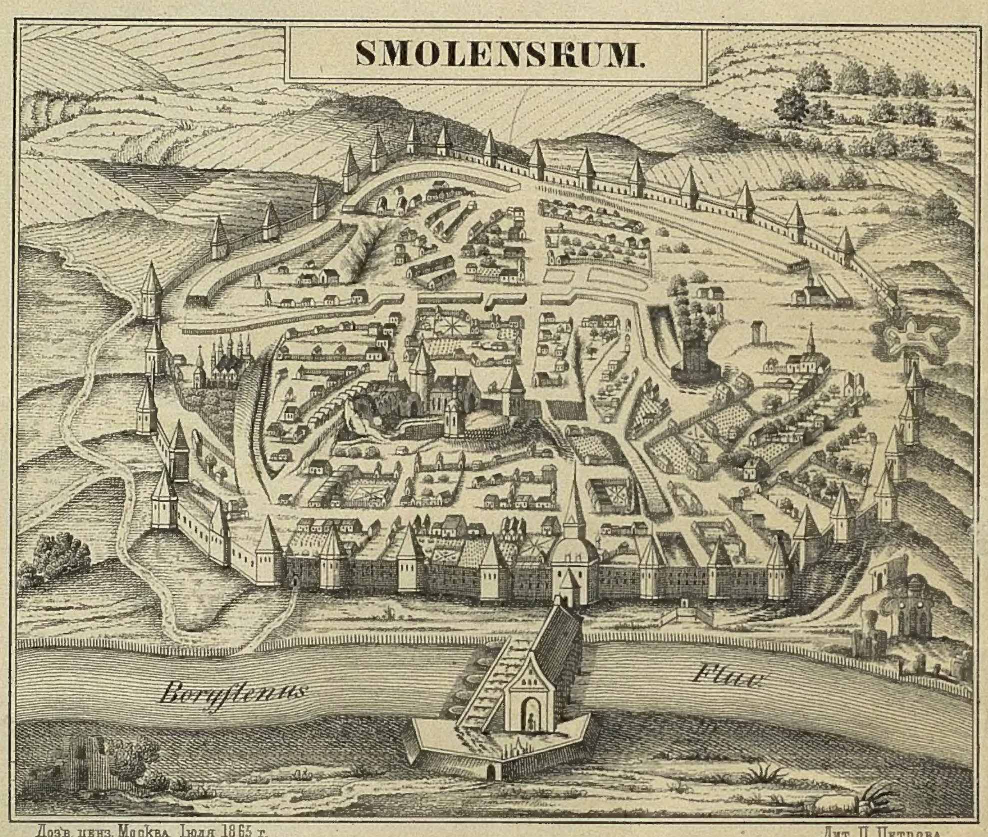

Г100 8/15

Дозв. ценз. Москва. Іюля 1865 г. Лит. П. Петрова.

ВИДЪ ГОРОДА СМОЛЕНСКА ВЪ 1609, 1610 и 1611 ГОДАХЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ

О

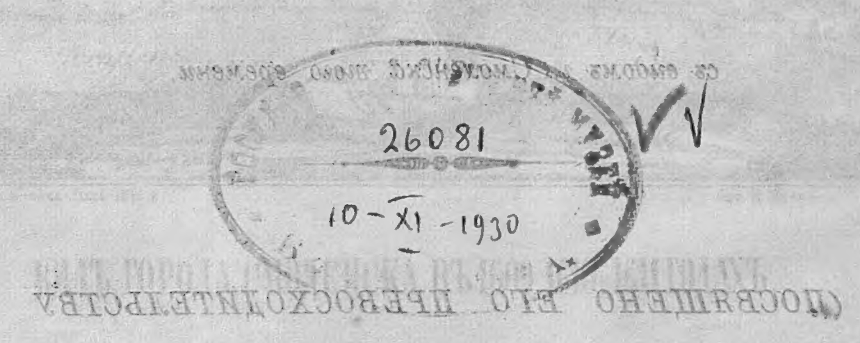
ГЕРОЙСКОМЪ СОПРОТИВЛЕНІИ

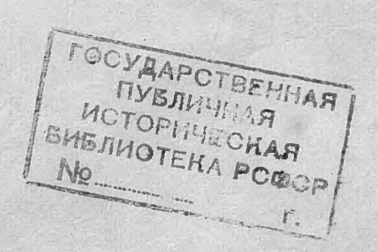
СМОЛЯНЪ ПОЛЯКАМЪ

въ 1609, 1610 и 1611 годахъ,

съ видомъ г. Смоленска того времени.

(ПОСВЯЩЕНО ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ НИКОЛАЮ ПЕТРОВИЧУ БОРОЗДНѢ).

Случайно найденный планъ Смоленска 1611 года подалъ намъ мысль короче ознакомиться по исторіямъ Россіи Карамзина и Соловьева и по другимъ источникамъ, съ тою эпохою, когда жители Смоленска съ примѣрною стойкостію и геройствомъ, въ теченіи почти двухъ лѣтъ, защищались противъ поляковъ. А мысль что, ни въ исторіи Смоленской губерніи Никитипа, ни въ памятныхъ книжкахъ Смоленскихъ, еще не было помѣщено полнаго и подробнаго описанія этой для каждаго русскаго вообще и для Смольянина въ особенности интересной и поучительной эпохи, побудили насъ составить по возможности полный разсказъ о геройскомъ сопротивленіи Смольянъ Полякамъ въ 1609-1611 годахъ и помѣстить его въ памятной книжкѣ Смоленской губерніи.

Потомкамъ тѣхъ дѣятелей, которые участвовали въ геройской защитѣ Смоленска, конечно, дороги гражданскія доблести ихъ славныхъ предковъ и потому мы позволяемъ себѣ думать что многіе изъ Смольянъ съ любопытствомъ прочитаютъ предлагаемую статью.

Прилагаемый при ней планъ Смоленска отгравированъ съ оригинала 1611 года и потому пусть не покажутся читателю странными латинскія на немъ надписи.

I. Дубицкій.

П. Томпыга.

Случайно найденный планъ Смоленска 1611 года подалъ намъ мысль короче ознакомиться по историямъ Россіи Карамзина и Соловьева и по другимъ источникамъ съ тою эпохою, когда жители Смоленска съ примѣрною стойкостію и геройствомъ, въ теченіи почти двухъ лѣтъ, защищались противъ поляковъ. А мысль что, ни въ исторіи Смоленской губерніи Никитина, ни въ памятныхъ книжкахъ Смоленскихъ, еще не было помѣщено полнаго и подробнаго описанія этой для каждаго русскаго вообще и для Смолянина въ особенности интересной и поучительной эпохи, побудили насъ составить по возможности полный разсказъ о геройскомъ сопротивленіи Смолянъ Полякамъ въ 1609-1611 годахъ и помѣстить его въ памятной книжкѣ Смоленской губерніи.

Потомкамъ тѣхъ дѣятелей, которые участвовали въ геройской защитѣ Смоленска, конечно, дороги гражданскія доблести ихъ славныхъ предковъ и потому мы позволяемъ себѣ думать что многіе изъ Смолянъ съ любопытствомъ прочитаютъ предлагаемую статью.

Прилагаемый при ней планъ Смоленска отгравированъ съ оригинала 1611 года и потому пусть не покажутся читателю странными латинскія на немъ надписи.

Г. Дубинскій.

П. Голышевъ.

ГЛАВА I.

НАРУЖНЫЙ ВИДЪ СМОЛЕНСКА ВЪ 1611 ГОДУ.

Прежде предпринимаемаго нами описанія геройскаго сопротивленія Смольянъ Полякамъ въ 1611 году считаемъ нужнымъ познакомить читателя съ наружнымъ видомъ города Смоленска того времени, изображеннымъ на прилагаемомъ къ этой статьѣ чертежѣ.

Смоленскъ издавна былъ однимъ изъ обширнѣйшихъ и многолюднѣйшихъ торговыхъ городовъ Россіи. Въ 1600 годахъ, въ немъ считалось до 8000 домовъ, кромѣ тѣхъ, которые находились въ предѣлахъ крѣпости, пространство которой и число домовъ равнялось почти самому городу. Всѣхъ жителей насчитывали болѣе 80,000, и изъ нихъ способныхъ къ защитѣ до 40,000. А къ концу осады Смоленска Поляками въ 1611 году, въ немъ по словамъ Бера, оставалось не болѣе 400 человѣкъ совершенно здоровыхъ, потому что жизненные припасы къ тому времени истощились, а недостатки и труды произвели между жителями смертоносную цынготную болѣзнь. Но Соловьевъ, вмѣстѣ съ другими авторами, утверждаетъ, что къ концу осады оставалось до 8,000, что кажется намъ болѣе вѣроятнымъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ писателей, въ Смоленскѣ въ то время было 150 орудій (Шеинъ показалъ даже 170) и пороху при началѣ осады 8,500 пудовъ, кромѣ разнаго оружія другаго рода ядеръ, пуль и тому подобныхъ военныхъ снарядовъ, заготовленныхъ слишкомъ на два года. Вообще принято, что во время осады погибло въ Смоленскѣ около 70,000 человѣкъ, словомъ, погибли почти всѣ его защит-

ники, изъ которыхъ только 2,700 взяты въ плѣнъ. По словамъ Кобержицкаго въ Смоленскѣ найдено 50 большихъ и 200 малыхъ пушекъ, что однако подлежитъ сомнѣнію; пороху немного, потому что по свидѣтельству Стебельскаго, въ кладовой близъ Соборной церкви воспламенилось его до 1,500 боченковъ, но найденъ большой запасъ пуль и съѣстныхъ припасовъ.

При извѣстіи о походѣ Сигизмунда подъ Смоленскъ, Шеинъ, по совѣщанію съ дворянами и гражданами, выжегъ посады и слободы вокругъ города и заключился въ крѣпость, построивъ нѣсколько блокгаузовъ для удержанія перваго натиска непріятеля.

Изъ уцѣлѣвшихъ тогда отъ общаго разрушенія церквей въ однихъ посадахъ Смоленска считалось ихъ десять, а въ настоящее время изъ нихъ существуетъ только три.

Во время знаменитой защиты Смоленска весь почти замокъ обращенъ былъ въ развалины, а по взятіи города разрушенъ и Успѣнскій Соборъ, построенный въ 1106 году Владиміромъ Всеволодовичемъ Мономахомъ, въ бытность его удѣльнымъ Княземъ. Изъ монастырей тогда же разрушены: Вознесенскій дѣвичій, построенный въ 1515 году Великимъ Княземъ Московскимъ Василіемъ Іоанновичемъ, Троицкій и Авраміевскій, основанный въ началѣ XII вѣка, при Смоленскомъ Князѣ Ростиславѣ Мстиславичѣ подъ именемъ Богородицкаго. Изъ церквей разрушены: церковь Св. Архистратига Михаила, построеная около 1180 года Смоленскимъ Княземъ Давидомъ Романовичемъ, и бывшая придворною церковью Князей Смоленскихъ, и церковью Св. Апостоловъ Петра и Павла; всѣ они потомъ обращены были въ Католическіе кляшторы. Болѣе другихъ пострадали: Авраамієвскій и Троицкій мужскіе монастыри.

Кромѣ крѣпостной стѣны, какъ видно изъ приложеннаго чертежа, Смоленскъ окруженъ былъ землянымъ укрѣпленіемъ, —это остатки древняго землянаго вала прежде окружавшаго городъ. Городская каменная или крѣпостная стѣна впослѣдствіи построена внѣ этого вала. Остатки его и понынѣ уцѣлели, именно: отъ Королевской крѣпости до

Молоховскихъ воротъ, отъ Шейнова пролома до Никольскихъ воротъ, отъ Никольскихъ воротъ до Авраміевской башни (*) и отъ Шейновой башни до Богословской улицы.

Основаніе крѣпостной стѣны начато по предложенію Бариса Өедоровича Годунова въ 1596 году, при Царѣ Өедорѣ Іоанновичѣ. Но работы были вскорѣ пріостановлены и и открыты вновь только по вступленіи на престолъ Бориса Годунова, которымъ прислана была для этого значительная въ то время сумма. Страшный голодъ, бывшій въ царствованіе Годунова, привлекалъ въ Смоленскъ много рабочихъ для постройки каменной стѣны.

Не смотря на громадность размѣровъ; постройка стѣны окончена въ продолженіи 4-хъ лѣтъ, съ 1596—1600 года. Стѣна сложена въ верхнихъ частяхъ изъ кирпича, а въ нижнихъ изъ извѣстковаго бѣлаго камня, который привозили изъ Старицы. (Тверской губерніи) за 342 версты, а извѣсть обжигали въ Бѣльскомъ уѣздѣ въ с. Верховьи, за 200 верстъ отъ Смоленска, кирпичь, находящійся въ стѣнѣ, такъ твердъ, что подобной доброты кирпича въ настоящее время не дѣлаютъ; по угламъ стѣны и на срединѣ нѣкоторыхъ фасовъ были устроены 36 башень, круглыхъ, четырехгранныхъ и многоугольныхъ, и на всемъ протяженіи стѣны, со внѣшней и внутренней ея сторонъ, устроены два ряда зубцовъ съ бойницами. Стѣна окружена рвомъ, а на внѣшней сторонѣ ея насыпанъ для прикрытія валъ.

Въ западной части стѣны, на мѣстѣ пролома, чрезъ который Поляки ворвались въ городъ въ 1611 году, по повелѣнію Сигизмунда III, устроено звѣздообразное земляное укрѣпленіе или штерншанецъ, до нынѣ сохраняющійся подъ названіемъ Королевскской крѣпости.

По завладѣніи крѣпостью 3-го Іюня стар. стиля 1611 года, проломъ скоро былъ задѣланъ землянымъ бастіономъ: это доказывается приложеннымъ здѣсь планомъ Смоленска 1611 года, на которомъ означено уже земляное укрѣпленіе или штерншанецъ.

(*) Авраміевскій монастырь въ древности былъ внѣ земляного вала.

Изъ 36 первоначально устроенныхъ башень уцѣлѣло только 17.

Вотъ древнія названія башень, частью существующихъ и нынѣ: 1) Днѣпровская четвероугольная, съ проѣзжими воротами; въ старину въ ней висѣлъ набатный колоколъ; по совершенной ветхости разобрана; на мѣстѣ ее сначала была устроена деревянная церковь, впослѣдствіе же въ 1803 году возвигнута каменная во имя чудотворной иконыСмоленской Одигитріи Богоматери 2) Водяная четвероугольная, малая; по неосторожности канонира взорвана въ 1722 году. 3) Иверская четвероугольная, малая; въ 1803 г. обращена въ тюремную церковь, а въ 1812 году взорвана Французами и возобновлена, судя по надписи, въ 1815 году. 4) Верженова, круглая; по причинѣ ветхости, въ 1782 году разобрана. 5) Пятницкая, четвероугольная, большая, съ проѣзжими воротами; по ветхости разобрана. 6) Никулинская круглая; взорвана Французами, при выходѣ изъ Смоленска. 7) Богословская, четвероугольная малая; взорвана въ 1812 году. 8) Малая четвероугольная безъименная; взорвана въ 1812 году. 9) Шеинская, круглая, она была убѣжищемъ его, по взятіи Смоленска Поляками въ 1611 году. Башня эта по ветхости разобрана въ 1830 году. 10) Малая четвероугольная безъи-менная; 11) Круглая, разбитая Поляками въ 1611 году; вмѣсто ея они насыпали земляной бастіонъ, подъ именемъ Королевскаго. 12) Копытинская четвероугольная большая, съ заложенными проѣзжими воротами. 13) Малая четвероугольная. 14) Топинская круглая. 15) Малая четвероугольная. 16) Касандаловская круглая; взорвана въ 1812 году. 17) Малая четвероугольная; взорвана въ 1812 году. 18) Молоховская четвероугольная, большая съ проѣзжими воротами и съ землянымъ равелиномъ для прикрытія воротъ; взорвана въ 1812 году; на мѣстѣ ее въ воспоминаніе благодѣяній оказанныхъ г. Смоленску Императоромъ Николаемъ I-мъ устроена въ 1840 году жителями г. Смоленска Благовѣщенская церковь. 19) Малая четвероугольная. 20) Круглая разбитая Шеиномъ, во время приступа къ Смоленску, 1632 года; на мѣстѣ ея насыпанъ земляной бастіонъ, подъ именемъ Шеинова пролома. 21) Малая четвероугольная: по ветхости разобрана въ 1819 году. 22) Евстафьевская круглая. 23) Ельнинская четвероугольная большая, съ проѣзжими воротами, нынѣ называе-

мыми Никольскими. 24) Малая четвероугольная. 25) Долгоченская круглая. 26) Малая четвероугольная. 27) Золотарня круглая. 28) Аврамьевская четвероугольная большая, съ заложенными проѣзжими воротами. 29) Веселуха, круглая. 30) Познякова, четвероугольная малая. 31) Лучинская круглая. 32) Голыневская четвероугольная малая; взорвана въ 1812 году. 33) Крылошевская, четвероугольная, съ проѣзжими воротами, называвшимися Рачевскими; по ветхости разобрана въ 1782 году. 34) Костыревская круглая, извѣстная болѣе подъ именемъ Черепаховой; по ветхости въ 1833 разобрана, но нынѣ возобновлена. 35) Лазаревская, четвероугольная малая, взорвана въ 1812 году. 36) Волковская, четвероугольная малая. (*)

Уцѣлѣвшія башни въ настоящее время получили слѣдующія новыя названія: на югѣ: Бублейка Громовая, Донецъ, Маховая, Брикарева, Никольская, Зимбулка, Шамбелка, на востокѣ: Воронина, Бѣлуха, Аврамьевская, Орелъ, Роговка, Веселуха, на сѣверѣ: Стрѣлка и на западѣ: Гуркина и Копытинская.

Вовремя движенія Карла XII къ предѣламъ Россіи, Смоленскъ былъ главною квартирою Петра I-го и Царевича Алексѣя Петровича. Здѣсь сосредоточивалъ Петръ I-й войска, отсюда дѣлалъ распоряженія о снабженіи арміи провіантомъ и оружіемъ; заботился объ укрѣпленіи Смоленска по новымъ правиламъ фортификаціи и велѣлъ дѣлать засѣку отъ Смоленска до Пскова.

До 1812 года крѣпостная стѣна была еще такъ прочна, что на всемъ ея протяженіи производились крестные ходы.

Интересна особенно, на приложенномъ планѣ Смоленска, прежняя постройка домовъ кварталами, болшею частью въ видѣ неправильныхъ четвероугольниковъ, такъ какъ мѣстность препятствовала правильной планировкѣ. Улицы, какъ и въ настоящее время, вообще извилисты, за исключеніемъ нѣкоторыхъ. Ктобы могъ повѣрить, что заднѣпровская часть въ древнія времена составляла лучшую часть города? Глубокія лощины и овраги лѣвой нагорной стороны Смоленска покрыты были тогда богатыми садами, обратившими на себя благосклонное вниманіе Петра I-го, который приказалъ даже отправить изъ Смоленска нѣсколько грушевыхъ и дулевыхъ деревъ въ Рижскіе сады.

(*) Въ стѣнѣ сдѣлано 5 проломовъ, одинъ Шеинымъ въ 1632 году, другой Сигизмундомъ III въ 1611 году и 3 Французами въ 1812 г.

Сообщенiе обѣихъ частей города производилось посредствомъ крытаго деревяннаго моста, почти на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ находится нынѣ постоянный мостъ.

И такъ, переносясь за два съ половиною столѣтiя назадъ, мы видимъ Смоленскъ однимъ изъ лучшихъ военныхъ и торговыхъ городовъ Русскихъ; но провидѣнiю угодно было испытать патрiотическую твердость и преданность его народному благу и вѣрѣ православной ударами, которые уничтожили прежнiй воинственный и величественный его видъ, и остановили на время его внѣшнее и внутреннее развитiе.

Перейдемъ же теперь къ описанiю времени и событiи, при которыхъ Смоленскъ особенно выказалъ и словомъ и на дѣлѣ свои нацiональныя чувства, въ геройской защитѣ противъ Поляковъ, всегдашнихъ враговъ Русскаго Государства, и въ преданности благу Отечества и вѣрѣ Православной.

ГЛАВА II.

ОСАДА СМОЛЕНСКА ВЪ 1609, 1610 И 1611 ГОДАХЪ.

Издавна Смоленскъ былъ предметомъ спора между Москвою и Литвою; наконецъ первой удалось овладѣть имъ. Но Литвѣ нехотѣлось оставить Смоленскъ въ рукахъ русскихъ, ибо этотъ городъ, ключь Днѣпровской области, считался тогда твердынею неприступною. Сигизмунда увѣдомляли, что воевода Смоленскiй Шеинъ и жители охотно сдадутся ему: Король не хотѣлъ упустить такого удобнаго случая и двинулся къ Смоленску, вопреки совѣтамъ Гетмана Жолкѣвскаго, который хотѣлъ вести войско въ Сѣверскую землю, гдѣ худо укрѣпленные города не могли оказать упорнаго сопротивленiя.

Обо всѣхъ замыслахъ и движенiяхъ въ Польшѣ зналъ

воевода Шеинъ, онъ посылалъ въ Литву, за рубежъ, своихъ лазутчиковъ; они приносили ему вѣсти отъ людей подкупленныхъ, которые, сходясь въ условленныхъ мѣстахъ съ Русскими лазутчиками увѣдомляли ихъ обо всемъ, что у нихъ дѣлалось. Впрочемъ, не отъ однихъ лазутчиковъ крестьянъ узнавалъ Шеинъ Польскія новости: у него былъ подкупленъ въ Польшѣ какой-то Янъ Войтеховъ, который непосредственно письменно доносилъ ему обо всемъ. Шеину сообщали также слухи, ходившіе въ Литвѣ о самозванцахъ. (*)

Между тѣмъ у пограничныхъ жителей Московскихъ и Литовскихъ, по обычаю, происходили ссоры и наѣзды. По этому поводу Начальники пограничныхъ областей: староста Велижскій Александръ Гонсѣвскій, бывшій посломъ въ Москвѣ и Смоленскій воевода Шеинъ, должны были войти въ сношенія другъ съ другомъ. Гонсѣвскій звалъ Шеина на порубежный съѣздъ для рѣшенія спорныхъ дѣлъ; Шеинъ въ такое смутное время боялся принять на себя за это отвѣтственность, особенно, когда ему донесли, что Гонсѣвскій нарочно для сего и пріѣхалъ въ Велижъ, чтобы подговорить Смольянъ къ сдачѣ Королю. Шеинъ и въ самомъ дѣлѣ имѣлъ право и основаніе не довѣрять Велижскому старостѣ, потому, что онъ-то и извѣстилъ Короля о желаніи бояръ имѣть Царемъ Владислава, онъ же и хлопоталъ больше всѣхъ о сдачѣ Смоленска, какъ самъ потомъ Король сказалъ коронному Гетману Станиславу Жолкевскому.

Между тѣмъ изъ заграницы приходили вѣсти о движеніяхъ Сигизмунда.

Въ Іюлѣ 1609 года лазутчики донесли Шеину, что Гонсѣвскій идетъ съ нарядомъ подъ Смоленскъ, что туда же, въ слѣдующемъ мѣсяцѣ ждутъ самого Сигизмунда, что Гонсѣвскій приводилъ жителей пограничныхъ Московскихъ волостей къ присягѣ Королю. Вѣсти были справедливы. Въ Минскѣ съѣхался съ Королемъ Гетманъ Жолкевскій, распрашивалъ о подробностяхъ касательно предпринимаемаго

(*) См. объясненіе 2 е въ концѣ статьи.

похода и хотѣлъ знать, кто ручается Королю за успѣхъ его? Тѣ, которые обнадеживали Сигизмунда, говорили, что пока онъ находится далеко, то боярамъ Московскимъ трудно отозваться въ его пользу, и потому, чтобъ заставить ихъ высказать свое расположенiе, Королю необходимо спѣшить къ границамъ. Въ Минскъ пришло письмо отъ Гонсѣвскаго, который настаивалъ, чтобъ Король какъ можно скорѣе выступилъ подъ Смоленскъ беззащитный, ибо ратные люди Смоленскiе ушли на помощь къ Скопину. Сигизмундъ выѣхалъ изъ Минска, и въ Оршѣ свидѣлся съ Литовскимъ Канцлеромъ Львомъ Сапѣгою, который также убѣждалъ Короля спѣшить походомъ. Сапѣга пошелъ впередъ къ Смоленску, безпрестанными записками побуждая къ скорости и Жолкѣвскаго, которому очень неправилось вся эта поспѣшность и, какъ ему казалось, необдуманность. Опытному полководцу странно было предположить, что такая сильная крѣпость, какъ Смоленскъ, захочетъ сдаться войску, въ которомъ было только 5000 пѣхоты. Не смотря на то, 19-го Сентября нетерпѣливый Сапѣга уже стоялъ подъ Смоленскомъ, 21-го прибылъ туда и самъ Король и расположился станомъ на берегу Днѣпра, между монастырями: Троицкимъ, Спасскимъ и Борисоглѣбскимъ; всего войска собралось, кромѣ 5000 пѣхоты, 12,000 конницы, 10,000 казаковъ Запорожскихъ и неопредѣленное число Татаръ Литовскихъ. Запорожцевъ было не всегда одинакое число, потому что часть ихъ отъѣзжала за провiантомъ; въ числѣ 12,000 конницы было много волонтеровъ, которые, набравши добычу, разбѣгались. Число осажденныхъ полагаютъ до 70,000.

Перейдя границу, Сигизмундъ отправилъ въ Москву складную грамоту, а въ Смоленскъ универсалъ, или манифестъ, о сдачѣ города. (*) Смольяне, отвѣчали Королю, что у нихъ обѣтъ положенъ въ дому у Пречистой Богородицы: «За Православную вѣру, за Святыя церкви, за Царя и за Царское крестное цѣлованiе всѣмъ помереть, а Литовскому Королю и его панамъ отнюдь не поклониться.» Тогда по совѣщанiи воеводъ съ дворянами и гражданами сожены были посады, чтобы Королю неудобно было подой-

(*) Объясненiе 2-е, въ концѣ статьи.

ти, а жены и дѣти служилыхъ людей, кромѣ крестьянъ, перебрались изъ уѣзда въ крѣпость.

Смольяне посылали челобитную въ Москву съ просьбою о помощи. Пославъ Сигизмундову грамоту въ Москву, они писали къ Царю: „Неоставь сиротъ твоихъ въ крайности. Людей ратныхъ у насъ мало жители уѣздные нехотѣли къ намъ присоединиться, ибо Король обманываетъ ихъ вольностію; но мы будемъ стоять усердно.“ Вмѣсто помощи Василій могъ присылать имъ только милостивыя грамоты. Не смотря на то осажденные рѣшились защищаться отчаянно, и если вступали въ переговоры съ Королемъ, то единственно для того, чтобъ выиграть время. При этихъ переговорахъ Смольяне прямо говорили посланнымъ Королевскимъ, что они хвалятъ Сигизмунда за его доброе расположеніе, но опасаются его подданныхъ, на которыхъ положиться нельзя. Если бы Король и обѣщалъ что нибудь подъ клятвою, то Поляки не сдержатъ его слова, по примѣру стоявшихъ подъ Москвою, которые увѣряя, что сражаются за Русскихъ, сами забираютъ ихъ семейства и раззоряютъ волости. Такимъ образомъ, кромѣ враждебныхъ пограничныхъ отношеній, издавна существовавшихъ между Литвою и Смольянами, послѣдніе не могли сдаться Сигизмунду, вслѣдствіе слабости Королевской власти въ Польшѣ, вслѣдствіе недостатка ручательства въ томъ, что обязательства Королемъ данныя будутъ исполнены его подданными. Нѣкоторые изъ Смольянъ объявили еще, что они нехотятъ терпѣть отъ Полякова того же, что терпѣли отъ нихъ жители Москвы, во время перваго Лжедимитрія, и потому рѣшились умереть вѣрными Царю Василію, и скорѣе собственными руками умертвятъ своихъ женъ, чѣмъ согласятся видѣть ихъ въ рукахъ Поляковъ. Трудно было полагаться и на обѣщапія самого Сигизмунда, который, увѣряя Смольянъ, что будстъ охранять ихъ вѣру, въ Польшѣ объявлялъ, что началъ войну преимущественно для славы Божіей, для распространенія Католической религіи. Между причинами, побуждавшими Смольнянъ къ сопротивленію, можно положить еще и ту, что служилые люди Смоленскіе были въ войскѣ Скопина, а семейства ихъ сидѣли въ осадѣ въ Смоленскѣ: эти семейства, разумѣется, всѣми силами должны были противиться сдачѣ города Сигизмунду, ибо тогда они были бы разлучены съ

своими; съ другой стороны, присутствіе Смоленскихъ служилыхъ людей въ станѣ Скопина одушевляло осажденныхъ надеждою, что земляки ихъ непремѣнно явятся на помощь къ нимъ, на выручку семействъ своихъ. Наконецъ, указываютъ еще причину сопротивленія, именно со стороны богатѣйшихъ купцовъ Смоленскихъ они дали въ займы Шуйскому много денегъ; если бы они сдались Сигизмунду, то эти деньги пропали бы.

Съ самаго начала осада пошла неудачно. Король велѣлъ громить стѣны пушками; но ядра или недостигали вершины косогора, гдѣ стоитъ крѣпость, или безвредно падали къ подножію ея высокихъ, твердыхъ башенъ, а польба осажденныхъ была гораздо дѣйствительнѣе и заставила непріятеля выйдти изъ Спасскаго монастыря. При чемъ осажденные позволяли себѣ очень смѣлыя вещи: однажды шестеро смѣльчаковъ переѣхали изъ крѣпости въ лодкѣ черезъ Днѣпръ къ шанцамъ непріятельскимъ, именно къ стану Маршала Дорогостайскаго, среди бѣлаго дня, схватили Знамя и благополучно ушли съ нимъ обратно за рѣку. — 12-го Сентября за два часа до разсвѣта, Король велѣлъ своему войску идти на приступъ: разбивши Авраміевскія ворота петардою, часть войска ворвалась было въ городъ, но не получила подкрѣпленія отъ своихъ и была вытѣснена осажденными. 26-го Сентября; также ночью, взяли острогъ Пятницкаго конца, а въ слѣдующую ночь всѣми силами приступили къ большимъ воротамъ: тутъ произошло большое кровопролитіе счастливое для осажденныхъ, и непріятель вездѣ отбитый, съ того времени уже не выходилъ изъ стана, только стрѣлялъ день и ночь по городу, напрасно желая проломить стѣну, и велъ подкопы; которые неудавались, потому что осажденные имѣли при стѣнахъ въ землѣ тайные подслухи или ходы въ глубинѣ земли, откуда узнавали мѣста тайной работы непріятельской; сами дѣлали подкопы и взрывали непріятельскіе на воздухъ. Нѣмцевичь, основываясь на современныхъ запискахъ Жолкѣвскаго и Машкевича описываетъ этовъ приступъ слѣдующимъ образомъ: ,,Сигизмундъ, внявъ совѣту придворныхъ, желавшихъ употребить хитрость, рѣшился напасть внезапно ночью. Для этого 12-го Сентября назначенъ былъ отрядъ пѣхоты подъ начальствомъ Малтійскаго Кавалера Новодворскаго, который сла-

вился ратнымъ искуствомъ и неустрашимостью. Сдѣлано распоряженіе, чтобы Королевскіе трубачи при взрывѣ воротъ, дали сигналъ, по которому стоявшее не вдалекѣ войско должно было устремиться чрезъ проломъ въ городъ. Новодворскій пробирался тихо, въ темнотѣ къ воротамъ, держа рукою огромную пстарду и согнувшись вмѣстѣ съ прочими воинами, по причинѣ тѣсноты прохода между стѣною и деревянными срубами (которые построены были Русскими предъ стѣною со стороны поля, на подобіе избъ, для прикрытія воротъ). Не взирая на эти затрудненія, онъ подошелъ къ однимъ воротамъ, потомъ къ другимъ, взорвалъ ихъ и вломился въ городъ съ нѣсколькими воинами. Жители въ ужасѣ искали убѣжища въ церквахъ, и Смоленскъ былъ бы взятъ окончательно;но отъ того ли, что трубачи неисполнили приказанія, или что сильный взрывъ заглушилъ звукъ сигнала, вспомогательный отрядъ не подоспѣлъ во врема, осажденные ободрившись, и, видя малочисленность Поляковъ, вытѣснили ихъ, положивъ на мѣстѣ не болѣе 20 человѣкъ, потому что въ темнотѣ стрѣляли на удачу.“ А Машкѣвичь, между прочимъ, говоритъ: ,,будто Венгерецъ Маркъ, Капитанъ Королевской пѣхоты, не хотѣлъ идти въ проломъ, по недостаıку мужества, или по условію съ непріятелемъ, и тѣмъ остановилъ успѣхъ приступа.“ Какъ бы то ни было; но сами Польскіе историки отдаютъ справедливость мужеству и разуму Шеина, также и блестящей смѣлости его сподвижниковъ.

Наступала зима.

Между тѣмъ Тушинскіе Поляки вообще кричали, что Сигизмундъ пришелъ за тѣмъ, чтобы отнять у нихъ заслуженные награды и воспользоваться выгодами, которые они пріобрѣли своею кровью и трудами, и совокупно положили: не отказываться отъ цѣли, уже столь близкой, и дать другъ другу присягу: ни съ кѣмъ не входить въ переговоры и неоставлять Лжедимитрія, но посадивъ его на престолъ, требовать всѣмъ вмѣстѣ награжденія; если же Царь станетъ медлить, то захватить области Сѣверскую и Рязанскую и кормиться доходами съ нихъ до тѣхъ поръ, пока не получатъ полнаго вознагражденія. Вслѣдствіе того всѣ они охотно подписали конфедераціонный актъ и отправили къ Королю изъ Тушина подъ Смоленскъ пословъ

Мархоцкаго съ товарищами, съ просьбою, чтобъ онъ вышелъ изъ Московскаго Государства и не мѣшалъ ихъ предпріятію.

Въ то время какъ Тушинскіе Поляки отправили пословъ къ Сигизмунду подъ Смоленскъ, Король отправилъ въ Тушино своихъ пословъ, пана Станислава Стадницкаго съ товарищами. Они должны были внушать Полякамъ, что имъ гораздо приличнѣе служить природному своему Государю, чѣмъ иноземному искателю приключеній, и что они прежде всего должны заботиться о выгодахъ Польши и Литвы. Король обѣщалъ имъ вознагражденіе изъ казны Московской въ томъ случаѣ, когда соединенными силами Москва будетъ покорена, при томъ обѣщалъ, что они будутъ получать жалованье съ того времени, какъ соединятся съ Поляками, начальнымъ людямъ сулилъ богатыя награды не только въ Московскомъ Государствѣ, но и въ Польшѣ. Что же касается до Русскихъ Тушинцевъ, то Сигизмундъ уполномочивъ пословъ обѣщать имъ сохраненіе ихъ вѣры, обычаевъ, законовъ, имущества и богатыя награды, если они передадутся ему. Съ другой стороны Послы должны были войти въ сношеніе съ самимъ Шуйскимъ и начальными людьми въ москвѣ и передать имъ грамоты Королевскія.

Послы, отправленные изъ Тушина къ Королю и Королевскіе отправленные въ Тушино встрѣтились въ Дорогобужѣ; послы Королевскіе допытывались у Тушинскихъ, зачѣмъ они ѣдутъ къ Смоленску, но тѣ не сказали имъ ничего. Пріѣхавъ подъ Смоленскъ, Тушинскіе послы правили посольство сперва предъ Королемъ, потомъ предъ Рыцарствомъ. Рѣчь, произнесенная предъ Королемъ, при почтительныхъ формахъ, была самаго непочтительнаго содержанія: Тушинцы объявили, что Кололь не имѣлъ ни какого права вступить въ Московское Государство и лишать ихъ награды, которую они пріобрѣли у царя Дмитрія своими трудами и кровью. Получивъ отъ Короля суровый отвѣтъ, Тушинскіе послы отправились немедленно изъ подъ Смоленска и пріѣхали въ Тушино прежде Коммисаровъ Королевскихъ. Выслушавши донесеніе Морхоцкаго Ржинскій съ товарищами начали совѣтываться, принимать ли Королевскихъ Коммисаровъ, или нѣтъ? потому что прежде они уговорились стоять при Дмитріѣ и не входить

ни съ кѣмъ въ переговоры, если бы кто захотѣлъ вести ихъ съ ними, а не съ царемъ. Рожинскій, Зборовскій и многіе другіе начальные люди утверждали, что должно оставаться при первомъ рѣшеніи. Но войско не соглашалось: въ таборахъ пронесся слухъ, что у Короля много денегъ и онъ можетъ заплатить жалованье войску, если оно, отступивши отъ Димитрія, перейдетъ на его сторону. Въ то время явился посланный отъ Сапѣги и отъ всего войска, бывшаго подъ Троицкимъ монастыремъ и требовалъ, чтобы Тушинцы непремѣнно вступили въ переговоры съ королевскими Коммисарами, въ противномъ случаѣ Сапѣга сей часъ же перейдетъ на службу королевскую. Тогда Рожинскій долженъ былъ допустить Коммисаровъ; начались переговоры, сопровождавшіяся сильными волненіями.—

31-го Января 1610 года послы отъ Русскихъ Тушинцевъ были торжественно представлены Королю; явились люди разныхъ чиновъ и приняли на себя представительство Московскаго Государства. Изъ нихъ Михайло Салтыковъ началъ рѣчь, говорилъ о расположеніи Московскаго народа къ Королю, и отъ имени этаго народа благодарилъ Короля за милость. Сынъ его, Иванъ Салтыковъ, билъ челомъ Королю отъ имени Филарета, нареченнаго Патріарха и отъ имени всего духовенства, и также благодарилъ Сигизмунда за стараніе водворить миръ въ Московскомъ Государствѣ. Наконецъ, дьякъ Грамотинъ отъ имени Думы, двора и всѣхъ людей, объявилъ, что въ Московскомъ Государствѣ желаютъ имѣть Царемъ Королевича Владислава, если только Король сохранитъ ненарушимо Греческую вѣру, и нетолько не коснется древнихъ правъ и вольностей Московскаго народа, но еще прибавитъ такія, какихъ прежде не бывало въ Московскомъ Государствѣ. Изъ этого видно, что долгое пребываніе Русскихъ и Поляковъ въ одномъ станѣ произвело свои дѣйствія, но тутъ же обнаружилось и главное препятствіе къ соединенію Московскаго Государства съ Польшею. Говорятъ, что Салтыковъ заплакалъ когда началъ просить Короля о сохраненіи Греческой вѣры: онъ не могъ остаться равнодушнымъ при мысли о той опасности, которую Православіе могло потерпѣть отъ Сигизмунда.

Когда начались переговоры между Сенаторами и послами объ условіяхъ, на которыхъ Владиславъ могъ быть Ца-

ремъ Московскимъ, то, Русскіе, опять прежде всего требовали ненарушимости Православія. Наконецъ, 4-го Февраля написали условія. (*) Изъ условій договора видно, что онъ составленъ, съ одной стороны, честолюбивыми и корыстолюбивыми измѣнниками и не доброжелателями Россіи, а съ другой, притязательными панами польскими и хитрымъ, коварнымъ Королемъ ихъ. Послы просили у Короля на престолъ Московскій сына его Владислава, а между тѣмъ въ договорѣ является на первомъ планѣ не Владиславъ, а самъ Король. Имя Владислава служило здѣсь только прикрытіемъ для замысловъ Сигизмундовыхъ, ибо прямо дѣйствовать, во имя стараго Короля, было нельзя: купцы изъ Югозападной полосы Россіи, находившіеся въ Москвѣ, дали знать ея жителямъ, чтобъ они не вѣрили обѣщаніямъ человѣка введшаго унію.—

Между тѣмъ Поляки Тушинскіе продолжали ссориться съ Королемъ и объявлять ему свои требованія, а возникшіе между Тушинскими Поляками и Русскими раздоры и несогласія изъ за самозванца съ одной стороны, изъ за Владислава и стараго Короля съ другой, и на конецъ—изъ за Василія Шуйскаго, съ третьей, уже явно поставили Сигизмунда медлившаго подъ Смоленскомъ, въ критическое положеніе. Если, вначалѣ Полякамъ удалось овладѣть Ржевомъ, Владиміромъ и Зубцовымъ, которые были сданы имъ воеводами Самозванца, то нѣкоторые города прежде погибшей Сѣверской украины оказали отчаенное сопротивленіе Запорожцамъ: Стародубцы жестоко рѣзались съ ними и когда городъ ихъ охваченъ былъ пламенемъ, побросали въ огонь сперва свое имѣніе, а потомъ кинулись и сами. Такое же мужество оказали жители Почепа, изъ которыхъ 4000 погибло при упорной защитѣ. Въ Черниговѣ непріятель встрѣтилъ менѣе сопротивленія, Новгородъ Сѣверскій также присягнулъ Владиславу, Мосальскъ нужно было брать приступомъ, Бѣлую голодомъ. А Смоленскъ все держался, и жители его имѣли причины къ такому упорному сопротивленію: Поляки, и особенно Запорожцы, не смотря на королевскія увѣщанія, страшно свирѣпствовали противъ сдавшихся городовъ. Смоленскіе перебѣжчики увѣряли въ

(*) См. объясненіе 3-е въ концѣ статьи.

польскомъ станѣ, что въ городѣ у нихъ голодъ и моровое повѣтріе, что самъ воевода Шеинъ хотѣлъ сдать Смоленскъ Королю, но Архіепископъ Сергій недопустилъ до этаго, что міръ съ воеводою ходилъ, будто, однажды уговаривать Архіепископа къ сдачѣ, но тотъ, снявъ съ себя облаченіе и положивъ посохъ, объявилъ, что готовъ принять муку, но церкви своей непредастъ и охотнѣе допуститъ умѣртвить себя, чѣмъ согласиться на сдачу города. Народъ увлеченный этими словами отложилъ свое намѣреніе, и, надѣвъ на Сергія опять облаченіе, поклялся стоять противъ Поляковъ до послѣдней капли крови. Воевода предлагалъ сдѣлать вылазку, но и на это Архіепископъ несогласился, подозрѣвая Шеина въ намѣреніи вывести людей изъ города и ударить челомъ Королю.

Въ это время Тушинскіе поляки соединились и завели сношеніе съ Лжедимитріемъ, а тѣ изъ нихъ, которые не согласились слѣдовать за Лжедимитріемъ, подъ предводительствомъ Зборовскаго отправились подъ Смоленскъ изъявить свою преданность Королю; туда же пріѣхалъ и Янъ Сапѣга и даже Ханъ Касимовскій. Не смѣлъ пріѣхать сюда Лисовскій, какъ опальный; онъ не могъ оставаться одинъ при разрушеніи Тушинскаго стана, и потому удалился на Западъ изъ Суздаля и засѣлъ въ Великихъ Лукахъ. При всемъ этомъ и Лжедимитрій и Король находились въ затруднительномъ положеніи: первый съ своими 6,000 войска не могъ ничего предпринять противъ Москвы, на оборотъ; Московскіе отряды подходили подъ самую Калугу; движеніе Скопина и Шведовъ къ Смоленску противъ Короля должно было рѣшить борьбу и рѣшить, по всѣмъ вѣроятностямъ, въ пользу Царя Василія. И тогда чтожъ бы осталось Царю Калужскому? Съ другой стороны, Король видѣлъ, что его вступленіе въ Московскіе предѣлы принесло пользу только Шуйскому, выгнавши вора изъ Тушина, раздробивши его силы; Шуйскій торжествовалъ, у него было большое войско подъ начальствомъ знаменитаго полководца, у него была Шведская помощь, а Король, который поспѣшилъ подъ Смоленскъ съ малыми силами, въ надеждѣ, что одного его присутствія будетъ достаточно для покоренія Московскаго Государства, терзаемаго смутою,—видѣлъ передъ собою неравную борьбу съ могущественнымъ ираздражительнымъ врагомъ. При такихъ обстоятельствахъ естественно было про-

изойти сближенію между Королемъ и Калужскимъ Царикомъ.

А между тѣмъ народъ Русскій, недовольный Василіемъ Шуйскимъ, давно роптал на него и уже на мѣсто его мысленно вѣнчалъ на Царство Скопина, какъ воеводу прославившагося въ это смутное время своею преданностію отечеству и благоразумною распорядительностію въ дѣлахъ военныхъ и какъ послѣднюю отрасль Рюриковичей. Но Скопинъ, надежда народа, внезапно умеръ. Молва пронеслась, будто самъ Царь, изъ зависти и злобы, лишилъ себя и Царство крѣпкой опоры. Такимъ образомъ связь народа съ Шуйскимъ отъ этаго еще болѣе порвалась. Противъ него вспыхнуло возстаніе, во главѣ котораго былъ Рязанскій воевода Ляпуновъ.

Въ то время, какъ Ляпуновъ поднялъ возстаніе въ Рязани, войско Московское въ числѣ 40,000 вмѣстѣ съ Шведскимъ, котораго было 8,000, выступило противъ Поляковъ, по направленію къ Смоленску. Главнымъ воеводою, вмѣсто Скопина, былъ Князь Дмитрій Шуйскій, обвиняемый въ отравленіи племянника, и безъ того ненавидимый ратными людьми, за гордость.

Изъ грамотъ, разосланныхъ по городамъ, отъ 20 Іюня (*), мы видимъ, что тотчасъ, по сверженіи Шуйскаго, самою сильною стороною въ Москвѣ была та, которая не хотѣла имѣть Государемъ ни Польскаго Королевича, ни Лжедимитрія, а хотѣла избрать кого нибудь изъ своихъ знатныхъ людей. Этой стороны держался Патріархъ, и нѣтъ сомнѣнія, что подъ его то вліяніемъ, и написаны были присяжная запись и грамоты, разосланныя по городамъ. Эта сторона имѣла въ виду двоихъ кандидатовъ на престолъ: Князя Василія Васильевича Голицына и четырнадцати лѣтняго Михаила Ѳедоровича, сына Митрополита Филарета Никитича.

Бояре и граждане Московскіе, во главѣ которыхъ былъ Мстиславскій, послѣ многихъ споровъ съ Поляками, окончательно положили призвать на Царство Владислава. 27

(1) См. объясненіе 4-е, въ концѣ статьи.

Августа, на половинѣ дороги отъ Польскаго стана къ Москвѣ, происходила торжественная присяга Московскихъ жителей Королевичу Владиславу, съ тѣмъ, между прочимъ, главнымъ условіемъ, чтобы онъ прежде всего принялъ Православную вѣру.—

Чрезъ два дня послѣ торжественной присяги съ обѣихъ сторонъ, къ Гетману пріѣхалъ изъ подъ Смоленска выскачка изъ русскихъ, отъявленный приверженецъ Короля Θеодоръ Андроновъ съ письмомъ отъ Сигизмунда, который вопреки договору заключенному Жолкѣвскимъ съ временнымъ Московскимъ правительствомъ, требовалъ, чтобы Московское Государство было упрочено за нимъ самимъ, а не за сыномъ его. А Жолкѣвскій, согласно тому же договору отогнавъ Лжедимитрія отъ Москвы, началъ между тѣмъ интриговать временное правительство въ пользу Поляковъ же и, устранивъ благонамѣренныхъ и глубоко преданныхъ народному благу лицъ и особенно тѣхъ, на которыхъ указано было народу какъ на достойныхъ занять престолъ, довелъ дѣло до того, что временное правительство изъявило согласіе принять Царемъ Владислава, даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ не согласился немедленно принять въ Смоленскѣ православіе. Очевидно, во временномъ правительствѣ были люди и шаткіе, честолюбивые и неблагонадежные. Патріархъ, видя явную опасность грозящую вѣрѣ православной и Государству, отправилъ съ послами отъ себя письмо къ Сигизмунду, въ которомъ умолялъ Короля отпустить сына въ Греческую вѣру: „Любви ради Божіей смилуйся, Великій Государь, не презри нашего прошенія, да и вы сами Богу не погрубите, и насъ Богомольцевъ своихъ и такихъ неисчетныхъ народовъ, неоскорбите.“

Но Сигизмундъ прежде всего думалъ о томъ, чтобъ неоскорбить своего народа и главное своей чести. Поставленный въ необходимость возвратиться въ Польшу съ цѣлымъ Московскимъ Государствомъ, или по крайней мѣрѣ съ частью его, онъ продолжалъ осаду Смоленска. Съ другой стороны Янъ Потоцкій, главный начальникъ надъ осаждающими войсками, завидуя успѣху Жолкѣвскаго въ Москвѣ, хотѣлъ непремѣнно взять Смоленскъ; его желаніе соотвѣтствовало и желанію войска, раздраженнаго долгою осадою. Не смотря однако на ревность и мужество осаждающихъ,

ихъ приступы были постоянно отбиваемы осажденными, хотя между послѣдними свирѣпствовала заразительная болѣзнь. Когда получено было извѣстіе о договорѣ Жолкѣвскаго съ временнымъ Московскимъ правительствомъ, то и Смольяне вступили въ переговоры съ Королемъ; но какъ скоро Сигизмундъ объявилъ Шеину, что Смоленскъ, древняя собственность Литвы, долженъ сдаться не Королевичу, а самому Королю, то воевода никакъ несогласился отдѣлиться отъ Москвы безъ согласія всей земли. Окончаніе переговоровъ было отложено до пріѣзда великихъ Московскихъ пословъ.

А смуты въ Москвѣ и по всей Россіи продолжались: временное правительство, интригами Гетмана Жолкѣвскаго, было увлечено на сторону Поляковъ, и Польскіе полки, не взирая на сопротивленіе Патріарха Гермогена и другихъ лучшихъ того времени дѣятелей Русскихъ, введены были въ Москву. Не смотря однакожъ на всѣ ловкіе мѣры свои, Жолкѣвскій зналъ, что возстаніе вспыхнетъ при первой вѣсти о нежеланіи Короля отпустить Владислава въ Москву, зналъ, что эта вѣсть можетъ придти очепь скоро, потому поспѣшилъ оставить столицу.

Уѣзжая изъ Москвы, Жолкѣвскій взялъ съ собою сверженнаго ЦаряВасилія, взялъ и двухъ братьевъ его, Дмитрія и Ивана Шуйскихъ, для доставленія ихъ Королю. 20 Октября Король писалъ боярамъ: по договору вашему съ Гетманомъ Жолкѣвскимъ, велѣли мы Князей Василія, Дмитрія и Ивана Ивановичей Шуйскихъ отослать въ Литву, чтобъ тутъ въ Государствѣ Московскомъ смутъ они не дѣлали; по этому приказываемъ вамъ, чтобъ вы отчины и помѣстья ихъ отобрали на насъ Господаря. (Какая предупредительность съ его стороны, какая заботливость о Московскомъ Государствѣ?!) Двое другихъ, по мнѣнію Поляковъ, подозрительныхъ, а точнѣе сказать опасныхъ для нихъ, Филаретъ и Голицынъ были уже подъ Смоленскомъ во власти Короля. Они выѣхали изъ Москвы 11-го Сентября; съ дороги отъ 18-го Сентября, они писали въ Москву, что Королевскія войска, вопреки, разумѣется, договору, осадили Осташковъ и разоряютъ его окрестности; отъ 21 Сентября писали, что неимѣя возможности взять Осташковъ, Поляки разсѣялись по уѣздамъ Ржевскому и Зубцовскому и опу-

стошаютъ ихъ; отъ 30 Сентября писали въ Москву, что многіе Русскіе дворяне пріѣзжаютъ къ Королю подъ Смоленскъ и, по волѣ королевской, присягаютъ уже не одному Королевичу, но и самому Королю, и Король за это ихъ жалуетъ, даетъ грамоты на помѣстья и вотчины, а тѣмъ кто уже присягнулъ Королевичу, велитъ опять присягать себѣ, кто же нехочетъ, тѣхъ сажаютъ подъ стражу; что Король нѣсколько разъ посылалъ къ Смольянамъ, чтобы они присягнули ему вмѣстѣ съ сыномъ, Смольяне не согласились, и Король промышляетъ надъ ихъ городомъ всякими мѣрами. 7-го Октября послы пріѣхали подъ Смоленскъ, ихъ приняли съ честью, отвели 14 шатровъ за версту отъ Королевскаго стана, но кормы давали скудные: на жалобы пословъ отвѣчали, что Король не въ своей землѣ, а на войнѣ и взять ему самому негдѣ. 10 числа великіе послы представились Королю и били челомъ, чтобъ отпустилъ сына своего на царство Московское. Левъ Сапѣга, именемъ королевскимъ, отвѣчалъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, что Сигизмундъ желаетъ спокойствія въ Московскомъ Государствѣ и назначитъ время для переговоровъ, между тѣмъ въ совѣтѣ королевскомъ шли споры, соглашаться ли на просьбу пословъ, отпускать ли Королевича въ Москву, или нѣтъ. Сначала Левъ Сапѣга, отчаявшись въ возможности взять Смоленскъ, былъ въ числѣ тѣхъ, которые соглашались на отпускъ Королевича въ Москву, но скоро перемѣнилъ мнѣніе, особенно когда получилъ письмо отъ Королевы Констанціи. (*)

Сапѣга сталъ внушать Королю, что присяга данная Московскимъ народомъ Владиславу подозрительна; онъ думалъ, что Москвичи хотятъ только выиграть время; отъ этой присяги для Польши больше вреда чѣмъ пользы, потому что для невѣрнаго надобно оставить осаду Смоленска, покинуть надежду на пріобрѣтеніе областей Смоленской и Сѣверской, и все это будетъ соединено съ страшнымъ вредомъ и позоромъ, если Москвичи обманутъ Владислава. Гораздо лучше продолжать начатое, не упускать того, что уже въ рукахъ, и взявши свое, вести съ торжествомъ Владислава въ Москву.

(*) См. объясненіе 5-е въ концѣ статьи.

За тѣмъ опять потянулись споры и разногласія у пановъ польскихъ съ Королемъ и у пословъ Московскихъ съ панами и съ Королемъ. Послы непремѣнно требовали для усмиренія Россіи и прекращенія смутъ, чтобъ Король немедленно отправилъ Владислава въ Москву, самъ отступилъ отъ Смоленска и вывелъ войско изъ Московскаго Государства. Но паны на съѣздѣ объявили, что Королю нельзя отступить отъ Смоленска и вывести войско изъ Московскаго Государства, ибо онъ пришелъ съ тѣмъ, чтобы успокоить это Государство, (именно къ тому направлена была вся его и дѣятельность?!!), истребить вора, очистить города, а потомъ дать сына своего на престолъ Московскій. Такимъ образомъ Король и паны отказывались исполнить всѣ главныя и важныя для Россіянъ статьи договора, заключеннаго съ Жолкѣвскимъ. Четыре раза съѣзжались послы Московскіе съ панами, и ничего положительнаго не сдѣлали. На четвертомъ съѣздѣ паны предложили посламъ измѣнить договоръ и прочли имъ статьи, на которыя соглашался Король и которыя явно противны были главнѣйшимъ для русскаго народа статьямъ вышеназваннаго договора. Послы не согласились утвердить статей этихъ, равно не согласились и на давно требуемую сдачу Смоленска. На пятомъ съѣздѣ паны, то хитростью, то угрозами настоятельно требовали отъ пословъ, чтобы они уговорили Смольянъ присягнуть Королю и Королевичу и поклониться Королю Смоленскомъ. Но послы по прежнему отказывались исполнить требованіе ихъ, безъ сношенія съ Смольянами и, главное, съ Патріархомъ и временнымъ правительствомъ Московскимъ. Паны настаивали даже, чтобы хоть для одной чести только Смольяне поцѣловали крестъ Королю. „Мы хотимъ,“ говорилъ Сапѣга, чтобъ Смоленскъ цѣловалъ крестъ Королю для одной только чести.“—„Честь Королю,“ отвѣчали послы, „большая будетъ отъ всего свѣта и отъ Бога милость, если онъ Московское Государство успокоитъ, кровь христіанскую уйметъ, посадитъ сына своего на престолъ Россійскій, и тогда не только Смоленскъ, но и все Россійское Государство будетъ за сыномъ его.“ „Много уже пустаго,“ сказали на это паны, „мы отъ васъ слышимъ; скажите одно: хотите ли послать къ Смольянамъ, чтобъ они Государю нашему честь сдѣлали, крестъ поцѣловали?“ Послы отвѣчали „сами вы знаете, что наказъ, данный намъ, писанъ

съ Гетманскаго согласія, на чемъ Гетманъ крестъ цѣловалъ за себя и за васъ, пановъ; но чтобъ Королю крестъ цѣловать, того не только въ наказѣ нѣтъ, но и въ мысляхъ у всего народа не бывало: какъ же намъ безъ совѣту всей земли это сдѣлать?" Когда такъ," закричали паны, „то Смоленску пришелъ конецъ."

Въ это время пришелъ подъ Смоленскъ Гетманъ Жолкѣвскій и 30 Октября имѣлъ торжественный въѣздъ въ станъ; привезъ сверженнаго Царя Василія и братьевъ его и представилъ ихъ Сигизмунду.

2-го Ноября былъ шестой съѣздъ въ присутствіи Жолкѣвскаго. Между прочимъ на этомъ съѣздѣ послы сказали: „какъ же можно намъ изъ статей, заключенныхъ временнымъ Московскимъ Правительствомъ съ Гетманомъ Жолкѣвскимъ, что нибудь безъ совѣта со всею землею перемѣнить? чтобъ Смоленскъ отдать Королю, этого не только въ статьяхъ, но и въ проминѣ ни у тебя, ни у другаго кого не было. Ты не разъ говорилъ всѣмъ намъ, что какъ скоро мы пріѣдемъ къ Королю, то Его Величество тотчасъ же отъ Смоленска со всѣмъ войскомъ отойдетъ въ Польшу." Гетманъ долго говорилъ съ панами полатинѣ, потомъ, между прочимъ, отвѣчалъ посламъ: „какой я съ Московскимъ Государствомъ договоръ заключилъ, то все я дѣлалъ по указу и волѣ Королевской, и весь этотъ договоръ Король соблюдаетъ. Но чтобъ Его Величеству отойти отъ Смоленска, о томъ я вамъ не говорилъ, а совѣтывалъ послать о томъ съ челобитьемъ, да и какъ мнѣ было своему Государю приказывать? И при этомъ по обычному лицемѣрію и недобросовѣстности своей обвинилъ, въ нарушеніи нѣкоторыхъ статей договора, временное Московское Правительство и бояръ Московскихъ. „Грамота, что послана изъ Москвы въ Смоленскъ, продолжалъ онъ, была у меня: но въ ней писано то, что вы хотѣли, а я писать не приказывалъ, ни заказывалъ. Знаю я мой договоръ, чтобъ изъ пушекъ по Смоленску не бить и никакой тѣсноты не дѣлать, и Король этотъ договоръ выполняетъ. А чтобъ Смольняне отца съ сыномъ не раздѣляли и крестъ цѣловали обоимъ, то вамъ надобно сдѣлать для чести Королевской. Если же вы этого Смольнянамъ не прикажете, то наши Сенаторы говорятъ, что Король за

честь свою станетъ мстить, а мы за честь Государя своего померетъ готовы, и потому Смоленску быть худо. Неупрямтесь, исполните волю Королевскую, а какъ Смоленскъ сдастся, тогда объ уходѣ Королевскомъ договоръ напишемъ.“ Тогда послы между прочимъ отвѣчали: „помни Бога и душу свою, Станиславъ Станиславовичь: въ записи, данной Елецкому и Валуеву, прямо написано, что когда Смольняне крестъ Королевичу поцѣлуютъ, то Король отойдетъ отъ Смоленска, поруги и насильства городу не будетъ, всѣ порубежные города будутъ къ Московскому Государству по прежнему.“ Возвращаясь къ главному дѣлу, послы велѣли Луговскому читать договоръ Гетмана. Но Сапѣга не далъ ему читать и закричалъ: „Вамъ давно заказано упоминать объ этой записи, вы этимъ хотите только позорить Гетмана, если впередъ объ этой записи станете говорить, то вамъ будетъ худо.“ Луговскій отвѣчалъ. „Хотя и померетъ, а правду говорить: вы эту запись ни во что ставите, а мы и теперь и впередъ будемъ ею защищаться.“ Тутъ вмѣшался въ споръ Жолкѣвскій: „я, сказалъ онъ, готовъ присягнуть, что ничего непомню, что въ этой записи писано, писали ее русскіе люди, которые были со мною и ее мнѣ поднесли, я, не читавши руку свою и печать приложилъ, и потому лучше эту заиись оставить, а говорить объ одной Московской, которую и Его Величество утверждаетъ.“ Другіе паны кричали: „мы о Смоленскѣ послѣдній разъ вамъ говоримъ; если вы не заставите Смольнянъ Королю и Королевичу Крестъ цѣловать, то Крестное цѣлованіе съ Гетмана сошло, Его Величество и мы Смоленску больше терпѣть не будемъ, не останется камень на камнѣ, будетъ съ нимъ тоже, что надъ Іерусалимомъ.“ Послы отвѣчали по прежнему, что они своевольно договора не нарушатъ, а пусть позволятъ имъ послать гонца къ Патріарху и боярамъ и ко всѣмъ чинамъ, и что имъ вся земля прикажетъ, то они и сдѣлаютъ: „Ты Левъ Ивановичъ, говорили они, самъ бывалъ въ послахъ, такъ знаешь, можно ли послу сверхъ наказа что нибудь сдѣлать? и ты былъ посломъ отъ Государя къ Государю, а мы посланы отъ всей земли: какъ же мы смѣемъ безъ совѣта всей земли сдѣлать то, чего нѣтъ въ наказѣ? Потомъ послы обратились къ Жолкѣвскому, чтобъ заставить его употребить всѣ усилія для спасенія Смоленска: „не скажетъ ли весь народъ, говорили они, что, до

твоего пріѣзда подъ Смоленскъ, Король сохранялъ договоръ, къ городу не приступалъ, а какъ ты пріѣхалъ, то Смоленскъ взяли? Гетманъ далъ слово всѣми силами стараться о томъ, чтобъ къ Смоленску не дѣлали приступа до возвращенія гонца отправляемаго послами къ Патріарху и боярамъ за новымъ наказомъ. Гетману дали знать также, что Филаретъ сердится на него, за приведеніе подъ Смоленскъ сверженнаго Царя Василія и за представленіе его Королю въ свѣтскомъ платьѣ. Вотъ почему Жолкѣвскій при окончаніи съѣзда подошелъ къ Митрополиту съ оправданіями: „я, говорилъ онъ, взялъ бывшаго Царя не по своей волѣ, но по просьбѣ бояръ, чтобъ предупредить на будущее время народное смятеніе; къ тому же онъ въ Іосифовѣ монастырѣ почти умиралъ съ голода. А что привезъ я его въ свѣтскомъ платьѣ, то онъ самъ не хочетъ быть монахомъ, постригли его неволею, а невольное постриженіе противно и вашимъ и нашимъ церковнымъ уставамъ, это говоритъ и Патріархъ.“ Филаретъ между прочимъ отвѣчалъ: „ты вѣдь настоялъ, чтобъ его отослать въ Іосифовъ монастырь. Его и братьевъ его отвозить въ Польшу не слѣдовало, потому что ты далъ слово—изъ Іосифова монастыря его не брать, да и въ записи утверждено, чтобъ въ Польшу и Литву ни одного русскаго человѣка не вывозить, ни ссылать. Ты на томъ Крестъ цѣловалъ и Крестное цѣлованіе нарушилъ.

Боясь за Смоленскъ, послы поѣхали на другой день къ Жолкѣвскому, чтобъ напомнить ему его обѣщаніе. Гетманъ объявилъ имъ, какъ будто отъ себя, что для спасенія Смоленска одно средство впустить въ него польское войско, какъ сдѣлано было въ Москвѣ, и тогда можетъ быть Король не будетъ принуждать Смоленскъ цѣловать ему крестъ и самъ не пойдетъ на вора подъ Калугу. Послы въ отвѣтъ прочли ему статью договора, чтобъ ни въ одинъ городъ не вводить польскаго войска и снова настаивали, чтобъ имъ позволено было отправить гонца въ Москву. Гетманъ обѣщалъ хлопотать объ этомъ. Чтобъ узнать къ чему повели его хлопоты, послы на другой день опять поѣхали къ нему. Жолкѣвскій объявилъ, что Король соглашается на отправленіе гонца, но прежде требуетъ, чтобъ въ Смоленскъ были впущены его ратные люди. Послы отвѣчали по прежнему, что сами собою сог-

ласиться не могутъ. На другой день Гетманъ прислалъ къ нимъ племянника своего сказать, что Король согласился на отправленіе гонца въ Москву съ тѣмъ, чтобъ чрезъ двѣ недѣли онъ возвратился съ полнымъ наказомъ. Но потомъ посламъ объявлено было, чтобъ они пріѣхали къ Гетману 18-го Ноября, тутъ нашли они всѣхъ пословъ радныхъ и Сапѣга объявилъ, что непремѣнно должно впустить въ Смоленскъ ратныхъ людей Королевскихъ; потому что Шеину и всѣмъ Смольянамъ вѣрить нельзя, потому что будто Шеинъ сносится съ тушинскимъ воромъ и хочетъ впустить его въ городъ. Но послы повторили, что ничего не могутъ сдѣлать безъ новаго наказа изъ Москвы; а измѣнникамъ и недоброжелателямъ нашимъ и лъстецамъ вашимъ вѣрить нельзя. На это паны посламъ, между прочимъ сказали: „увидите, что завтра будетъ надъ Смоленскомъ.“ Послы просили, чтобъ дали имъ покрайней мѣрѣ посовѣтываться съ Митрополитомъ, котораго не было на этомъ съѣздѣ по болѣзни. Паны согласились.

Пріѣхавши въ свой станъ, послы держали совѣтъ. Филаретъ говорилъ: „того никакими мѣрами учинить нельзя, чтобъ въ Смоленскъ королевскихъ людей впустить; если разъ и не многіе королевскіе люди въ Смоленскѣ будутъ, то намъ Смоленска не видать; а если Король и возьметъ Смоленскъ приступомъ мимо крестнаго цѣлованія, то положиться на судьбы Божіи, толькобъ намъ своею слабостію не отдать города.“ Потомъ призваны были за совѣтомъ дворяне и всѣ посольскіе люди, спрошено: „если Смоленскъ возьмутъ приступомъ, то они, послы отъ Патріарха, бояръ и всѣхъ людей Московскаго Государства не будутъ ли въ проклятіи и ненависти?“ Всѣ отвѣчали: „хотябы въ Смоленскѣ были наши матери, жены и дѣти, то пусть бы погибали. Да и сами Смольняне думаютъ тоже, и скорѣй всѣ помрутъ, а не сдадутся.“ На другой день послы объявили панамъ это рѣшеніе, просили со слезами, чтобъ Король не приступалъ къ Смоленску, но и слезы не помогли.

Между тѣмъ прибыла осадная артиллерія, устроены были брешъ-батареи. Шеинъ воздвигнулъ за разрушенными поляками стѣнами земляные абшниты и продолжалъ защищаться. 21-го Ноября все войско приступило къ городу;

поляки взорвали минами грановитую башню и часть смежной куртины сажень на десять; они три раза кидались къ крѣпости, но всякій разъ были прогнаны гарнизономъ. Осада опять превратилась въ блокаду и обстрѣливаніе опять продолжалось безъ всякаго успѣха.

Въ Смоленскѣ стали уже истощаться жизненные и военные припасы, а недостатки и труды начали производить смертоносную цинготную болѣзнь.

29-го Ноября посламъ велѣно было пріѣхать къ Жолкѣвскому, у котораго они нашли всѣхъ другихъ пановъ; здѣсь повторились тѣ же предложенія со стороны поляковъ и тотъ же отвѣтъ со стороны пословъ.

2-го Декабря новый съѣздъ. Сапѣга встрѣтилъ пословъ словами: „надумались ли вы? впустите ли въ Смоленскъ королевскихъ ратныхъ людей? Знайте, что Смоленскъ не взятъ только по просьбѣ Гетманской и нашей; Король показалъ милость, чтобъ не пролить крови невинной вмѣстѣ съ виновною.“ Но отвѣтъ отъ пословъ былъ тотъ же. Въ этихъ переговорахъ ясно виднѣются лесть, хитрость и угрозы—со стороны пановъ, твердость и правда—со стороны пословъ.

4-го Декабря посламъ дали знать, чтобы они отправили отъ себя въ Москву гонца; 6-го числа гонецъ дѣйствительно выѣхалъ съ королевскимъ коморникомъ Исаковскимъ.

Но между тѣмъ поляки принялись за исполненіе той мысли, что нельзя немедленно отправить Королевича въ Москву: видя непреклонность главныхъ пословъ, паны обратились къ второстепеннымъ, обѣщаніями склоняли ихъ измѣнить своему дѣлу, бросить главныхъ пословъ и отправиться въ Москву, чтобъ тамъ дѣйствовать въ пользу Короля. Но и послѣ этого споры и безполезные съѣзды пановъ съ послами не прекращались. Первые требовали, чтобъ послѣдніе шли подъ Смоленскъ и приказали бы жителямъ цѣловать Крестъ Королю и Королевичу или впустить королевскихъ людей въ Смоленскъ. На это думный дьякъ

Луговскій, къ которому въ особенности обратился съ этимъ требованіемъ отъ лица Короля и пановъ Сапѣга, отвѣчалъ: „какъ мнѣ это сдѣлать и вѣчную клятву на себя навести?.. Я присланъ отъ Московскаго Государства въ челобитчикахъ, и мнѣ первому соблазнъ ввести.... да и Государеву дѣлу въ томъ прибыли не будетъ. Знаю я подлинно, что подъ Смоленскъ и лучше меня подъѣзжали и королевскую милость сказывали, да они и тѣхъ не послушали, а если мы теперь поѣдемъ и объявится въ насъ ложь, то они впередъ еще крѣпче будутъ и никого уже слушать нестанутъ.“ Съ другой стороны временное Московское правительство, дума боярская, то по интригамъ пановъ польскихъ, то по проискамъ честолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ людей русскихъ, бившихъ челомъ Королю, согласились просить самого Короля на Царство Московское. А между тѣмъ возникшіе въ Москвѣ со стороны поляковъ и русскихъ измѣнниковъ, пожалованныхъ Королемъ властію и должностями, безпорядки, грабежъ и расхищеніе дворцовъ и казны съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе усиливались. Смуты до того увеличились, что наконецъ, и для Владислава пошли дѣла плохо. Одни именно измѣнники русскіе, пожалованные Королемъ вотчинами и властію надъ Москвою, требовали, чтобъ Москва звала на Царство самого Короля; другіе напротивъ, предлагали корону Калужскому вору. Дѣла на Сѣверо-Западѣ Россіи угрожали не только Владиславу, но и вообще полякамъ и Королю ихъ; а на Востокѣ, Казанцы и другіе, вооружались сперва за самозванца, а по смерти его за сына Марины Мнишекъ.

По Смерти самозванца у Короля и его Московскихъ приверженцевъ не было болѣе предлога требовать дальнѣйшаго движенія Сигизмудова въ русскія области, не было болѣе предлога стоять подъ Смоленскомъ. По этому, какъ только въ Москвѣ узнали, что воръ убитъ, то, по словамъ современниковъ, лучшіе русскіе люди обрадовались и стали говорить другъ другу, какъ бы всей землѣ, и всѣмъ людямъ соединиться и стать противъ Литовскихъ людей, чтобъ они изъ земли Московской всѣ вышли до одного, на чемъ Крестъ цѣловали. Теперь города стали переписываться другъ съ другомъ, но грамоты ихъ были уже другаго рода: прежде уговаривали они другъ друга подождать, не спѣшить присягою тому, кто назывался Дмитріемъ: ибо

приверженцы его грабительствуютъ въ городахъ присягнувшихъ; но теперь города увѣщеваютъ другъ друга стать за вѣру Православную, вооружиться на поляковъ, грозящихъ ей гибелью. Первые подали голосъ жители волостей Смоленскихъ, занятыхъ и опустошенныхъ поляками; они написали грамоту къ братьямъ своимъ, остальнымъ жителямъ Московскаго Государства, призывая ихъ на защиту вѣры Православной, женъ и дѣтей своихъ. (*)

При всемъ томъ Члены Думы Царской, Правители Московскіе, а точнѣе приверженцы поляковъ, и въ это время всеобщаго возстанія предложили было боярамъ снова просить Короля, чтобъ отпустилъ онъ Владислава въ Москву; къ посламъ, Филарету и Голицыну, написать, чтобъ отдались во всемъ на волю королевскую, а къ Ляпунову, чтобъ не затѣвалъ возстанія и не собиралъ войска. Но Гермогенъ рѣшительно отказался подписать грамоты, поднесенныя ему приверженцами поляковъ; Князей же Воротынскаго и Андрея Голицына, сидѣвшихъ подъ стражею, силою заставили приложить къ нимъ руки. Въ этомъ видѣ грамоты 23-го Декабря привезены были подъ Смоленскъ, на другой день онѣ были доставлены посламъ, съ требованіемъ, чтобъ тѣ немедленно исполнили приказъ боярскій, иначе имъ будетъ худо. Когда грамоты были прочтены, то Филаретъ отвѣчалъ, что исполнить ихъ нельзя: отправлены вы отъ Патріарха, всего освященнаго Собора, отъ бояръ, отъ всѣхъ чиновъ и всей земли, а эти грамоты писаны безъ согласія Патріарха и освященнаго Собора, и безъ вѣдома всей земли: какъ же намъ ихъ слушать? и пишется въ нихъ о дѣлѣ духовномъ, о крестномъ цѣлованіи Смольнянъ Королю и Королевичу, тѣмъ больше безъ Патріарха намъ ничего дѣлать нельзя.“ Голицынъ и всѣ оставшіяся члены посольства также объявили, что грамоты незаконныя. 27-го Декабря позваны были послы къ панамъ, у которыхъ нашли дьяка Чечерина, присланнаго изъ Москвы съ извѣстіемъ о смерти самозванца. Паны объявили посламъ, что Королевскимъ счастіемъ воръ въ Калугѣ убитъ. Послы встали и съ поклономъ благодарили за эту вѣсть. „Теперь, съ насмѣшливымъ видомъ, спросили паны, что вы скажите о боярской грамотѣ?“ Голицынъ отвѣчалъ,

(*) См. объясненіе 6-е, въ концѣ статьи.

что они отпущены не отъ однихъ бояръ и отчетъ должны отдавать не однимъ боярамъ, а сначала Патріарху и властямъ духовнымъ, потомъ боярамъ и всей землѣ; а грамота писана отъ однихъ бояръ и то не отъ всѣхъ. Паны говорили: „Вы все отговаривались, что нѣтъ у васъ изъ Москвы о Смоленскѣ указа, теперь и получили указъ повиноваться во всемъ волѣ Королевской, а все еще упрямитесь?“ Сапѣга прочелъ грамоту боярскую и сказалъ: „видите, что мы говорили съ вами на съѣздахъ, то самое Духъ Святый внушилъ вашимъ боярамъ: они въ тѣхъ же самыхъ словахъ велятъ вамъ исполнить, чего мы отъ васъ требовали, значитъ самъ Богъ открылъ имъ это.“ Голицынъ отвѣчалъ: „въ правдѣ ихъ указа слушаться я буду и радъ дѣлать, сколько Богъ помощи подастъ; но бояре должны дѣлать надъ нами праведно, а не такъ какъ они дѣлаютъ. Отпускали насъ къ великимъ Государямъ бить челомъ Патріархъ, бояре и всѣ люди Московскаго Государства, а не одни бояре; отъ однихъ бояръ я и не поѣхалъ бы; а теперь они такое великое дѣло пишутъ къ намъ одни, мимо Патріарха, освященнаго Собора и не по совѣту всѣхъ людей Московскаго Государства: это ихъ не добро къ намъ, да и всѣмъ людямъ Московскаго Государства; думаемъ, будетъ въ томъ великое сомнѣнье и скорбь; чтобъ отъ того кровь христіанская не пролилась вновь!“ И при этомъ онъ коснулся нѣкоторыхъ другихъ несправедливостей и навѣтовъ со стороны бояръ. Паны по прежнему требовали, чтобъ исполненъ былъ указъ боярскій относительно Смоленска; а послы по прежнему отговаривались тѣмъ, что у нихъ нѣтъ на это приказа отъ Патріарха, и при этомъ спросили пановъ: „скажите, паны радные, что отвѣчали Смольяне на боярскую грамоту?“—Смольяне закоснѣли въ своемъ упорствѣ, отвѣчали на это паны, они боярскихъ грамотъ не слушаютъ!!. Сами же вы, паны, сказали послы, можете разсудить какъ насъ-то Смольянамъ послушать, если они боярскихъ грамотъ не послушали. Ясно теперь видно, что въ Москвѣ сдѣлано не какъ слѣдуетъ.“ Споры о Смоленскѣ, чтобы онъ цѣловалъ крестъ Королю, продолжались, но послы, и въ особенности Филаретъ, остались при преждемъ своемъ мнѣніи. Паны при этомъ выходили изъ себя, кричали на пословъ, грозили имъ, но твердость пословъ оттого, ни сколько не поколебалась.

Около мѣсяца послѣ того пословъ незвали на съѣздъ.

Голицынъ придумалъ средство къ сдѣлкѣ съ королемъ: уговорить Смольянъ впустить къ себѣ въ городъ небольшой отрядъ польскаго войска съ тѣмъ, чтобы король не требовалъ отъ нихъ присяги на свое имя и немедленно снялъ бы осаду. Дано было знать объ этомъ панамъ, и 27 Генваря 1611 года назначенъ былъ съѣздъ. Голицынъ предложилъ панамъ впустить въ Смоленскъ человѣкъ 50 или 60 поляковъ; послы отвѣчали: „Этимъ вы только безчестите Короля; стоитъ онъ подъ Смоленскомъ полтора года, а тутъ какъ на смѣхъ, впустятъ 50 человѣкъ.“ Послы отвѣчали, что больше 100 человѣкъ впустить несогласятся, и тѣмъ съѣздъ кончился. Между тѣмъ еще 23 Генваря пріѣхалъ подъ Смоленскъ Иванъ Никитичь Салтыковъ съ новыми боярскими грамотами къ Смольянамъ и посламъ подтверждавшими прежнія. Смольяне отвѣчали, что если впередъ пришлютъ къ нимъ съ такими воровскими грамотами, то они велятъ застрѣлить посланнаго: есть при королѣ послы отъ всего Московскаго Государства, чрезъ нихъ и должно съ ними говорить. 29 Генваря сообщена была новая грамота посламъ, а 30 они позваны были на съѣздъ къ панамъ у которыхъ нашли и Салтыкова. Послы объявили, что и на новой грамотѣ нѣтъ подписи Патріарха, и потому имъ остается одно-продолжать дѣло о впускѣ въ Смоленскъ королевскихъ людей, при чемъ они надѣются, что король по обѣщанію своему, не велитъ Смольянамъ присягать на свое имя. Поляки закричали: что это клевета. Что никогда не было и рѣчи о томъ, чтобъ оставить присягу на королевское имя. „Вы сами на послѣднемъ съѣздѣ намъ объявили, отвѣчали послы, что Король свое крестное цѣлованіе оставилъ, а велѣлъ только говорить о людахъ, сколько ихъ впустить въ городъ, и мы за то тогда же благодарили короля.“ Клевета! Клевета!“ продолжали кричать паны. Тогда Филаретъ предложилъ имъ отпустить пословъ въ Москву и просить на мѣсто ихъ другихъ, если замѣчается въ нихъ неправда. На это предложеніе, ужь не паны, а ихъ угодникъ ярый и приверженецъ, Салтыковъ съ гнѣвомъ закричалъ: „Вы послы должны вѣрить панамъ, ихъ милости, они не солгутъ,... Его Величеству стоять подъ такимъ лукошкомъ два года и, невзявъ его, прочь отойти, стыдно; вы послы сами должны бы вступиться за честь королевскую и велѣть Смольянамъ цѣловать крестъ королю.“ Приверженецъ поляковѣ слова-

ми своими, кажется, хотѣлъ польстить имъ, но вмѣсто того явно высказалъ ѣдкое порицаніе имъ и похвалу стойкости и твердости Смольянъ. Послѣ этаго послы рѣшительно отказались исполнить боярскую грамоту и выразили съ клятвою предъ Богомъ готовность умереть лучше, нежели, безъ Патріаршей грамоты, народное великое дѣло дѣлать.

7-го Февраля опять позвали пословъ и объявили имъ, что король милосердуя о Смольянахъ, жалуетъ ихъ; позволяетъ присягнуть одному королевичу; но чтобъ не оскорбить и королевской чести, надобно впустить въ Смоленскъ по крайней мѣрѣ 700 человѣкъ; если же послать 100 человѣкъ, то Шеинъ велитъ ихъ или въ тюрьмы посадить или побить. Послы отвѣчали, что больше 200 человѣкъ впустить они несогласны. На другой день посламъ было объявлено, чтобъ они вошли въ переговоры съ Смольянами о введеніи въ ихъ городъ королевскихъ людей, безъ опредѣленія числа. Послы едва могли уговорить ихъ на введеніе 200 человѣкъ, ибо Смольяне понимали хорошо, что это первый шагъ къ овладѣнію ихъ городомъ, и потому поставили непремѣннымъ условіемъ, что прежде чѣмъ будутъ введены поляки въ Смоленскъ, король отступитъ со всѣмъ своимъ войскомъ за границу, и отрядъ, который войдетъ въ городъ, не будетъ имѣть здѣсь ни какой власти и будетъ вести себя чинно. Но въ совѣтѣ королевскомъ написаны были другаго рода условія (*) которыхъ Смольяне не могли принять, такъ какъ они слишкомъ ясно обнаруживали королевскіе замыслы. Смольяне вопреки условіямъ, совѣтомъ королевскимъ написаннымъ, требовали, чтобъ воротные ключи были у одного Смоленскаго воеводы, чтобъ Смоленскъ и весь уѣздъ Смоленскій принадлежалъ по прежнему къ Московскому Государству, чтобъ, какъ скоро они поцѣлуютъ крестъ королевичу, Король отступилъ отъ ихъ города и очистилъ весь уѣздъ. Услыхавъ эти требованія, поляки рѣшились употребить средство, которое бы заставило пословъ быть уступчивѣе. 26 Марта Филаретъ и Голицынъ съ товарищами были позваны на переговоры. Паны предложили прежнее условіе, исключивши только статью о вознагражденіи за военные убытки, послы также уступили,

(*) См. объясненіе 7-е, въ концѣ статьи.

обѣщались уговорить Смольянъ впустить весь польскій отрядъ въ городъ, дня за два или за три, до Сигизмундова отступленія, если король назначитъ день отступленія и напишетъ его въ договорной грамотѣ. Но тутъ пришла весть о разореніи Московскомъ.

Въ то время, какъ Сигизмундъ считалъ необходимымъ взять Смоленскъ для польши какими бы то ни было средствами и тратилъ время въ безплодныхъ и унизительныхъ для своего достоинства переговорахъ, возстаніе противъ сына его неослабѣвало въ Московскомъ Государствѣ, и поляки сами поведеніемъ своимъ все болѣе и болѣе воспламеняли его.

8-го Апрѣля на съѣздѣ, между прочимъ, Сапѣга сказалъ посламъ: ,,какъ всему злу помочь и кровь унять?" Послы отвѣчали: теперь мы и сами незнаемъ, что дѣлать. Посланы мы отъ всей земли, и вопервыхъ отъ Патріарха, но слышимъ отъ васъ, что этотъ начальный намъ человѣкъ теперь у васъ подъ стражею. Московскаго Государства бояре и всякіе люди пришли подъ Москву и съ королевскими людьми бьются. Кто мы теперь такіе, отъ кого посланы—незнаемъ; кто насъ отпускалъ, тѣ, какъ вы говорите, умышляютъ противное нашему посольству. И съ Смоленскомъ теперь незнаемъ что дѣлать: потому что если Смольяне узнаютъ, что королевскіе люди, которыхъ Москвичи впустили къ себѣ, Москву выжгли, то побоятся, чтобъ и съ ними тогоже не случилось, когда они впустятъ къ себя королевскихъ людей. ,,Сапѣга отвѣчалъ:" что сдѣлалось въ Москвѣ объ этомъ говорить нечего: говорите, что дѣлать впередъ? ,,Послы отвѣчали:" Другаго средства поправить дѣла нѣтъ, какъ то, чтобъ король наши статьи о Смоленскѣ подтвердилъ и время своего отступленія въ Польшу именно назначилъ на письмѣ, за вашими сенаторскими руками. А мы объ этой королевской милости дадимъ знать въ Москву Патріарху, боярамъ и всѣмъ людямъ Московскаго Государства, напишемъ и тѣмъ, которые теперь пришли подъ Москву, чтобъ они унялись и съ королевскими людьми не бились, и чтобъ изъ Москвы къ намъ, какъ можно скорѣе, отписали и прислали людей изъ всѣхъ чиновъ. ,,Сапѣга согласился, но требовалъ, чтобъ договоръ о Смоленскѣ былъ заключенъ и немедленно были впущены

въ городъ королевскіе люди. Послы отвѣчали, что этого сдѣлать нельзя: до обсылки съ Москвою, Смольяне непослушаются. Сапѣга велѣлъ посламъ написать двѣ грамоты, одну къ Патріарху и боярамъ, другую къ воеводамъ ополченія, стоящаго подъ Москвою. На другой день, когда Луговской принесъ эти грамоты къ Сапѣгѣ, тотъ спросилъ его: „хотители теперь же впустить въ Смоленскъ людей королевскихъ?“ Луговской отвѣчалъ, что рѣшено ждать отвѣта изъ Москвы. — „Когда такъ, сказалъ Сапѣга, то васъ всѣхъ пошлютъ въ Вильну.“ Луговской отвѣчалъ: „надобно кровь христіанскую унять, а польшею насъ стращать нечего: польшу мы знаемъ.“

12 Апрѣля посламъ дали знать, что на другой же день ихъ повезутъ въ польшу. Послы возражали, что на это не было имъ приказа изъ Москвы и что имъ нечѣмъ подняться въ путь. Но ихъ не слушали. За тѣмъ, когда посольскіе люди стали переносить въ судно вещи и запасы господъ своихъ, то польскіе пристава перебили слугъ, запасы велѣли выбросить изъ судна, а лучшіе взяли себѣ. Ограбленныхъ пословъ и дворянъ повезли всѣхъ вмѣстѣ въ одномъ суднѣ, гдѣ находились солдаты съ заряженными ружьями. На дорогѣ послы терпѣли во всемъ крайнюю нужду.

Вслѣдъ за послами окончили свое дѣло и Смольяне. Цынга опустошала городъ, лишенный соли и уксуса, изъ 80,000 жителей едва осталось 8,000, но оставшіеся въ живыхъ не думали о сдачѣ.

Главнымъ начальникомъ надъ осаднымъ войскомъ былъ Яковъ Потоцкій, который положилъ замѣнить блокаду пальбою и минами и снова началъ приступы, все таки неудачные.

Шеинъ, воины его и граждане оказывали болѣе, нежели храбрость: истинное геройство, неустрашимость неизмѣнную, хладнокровную нечувствительность къ ужасу и страданію, рѣшимость терпѣть до конца, умереть, а не сдаться. Уже двадцать мѣсяцевъ продолжалась осада: запасы, силы, все истощилось, кромѣ мужества защитниковъ, все сносили они безмолвно, нежалуясь, въ тишинѣ и повиновеніи.

Въ станъ Сигимунда явился Смоленскій беглецъ Андрей

Дедешинъ и открылъ королю слабое мѣсто въ стѣнѣ, сложенной на скорое время. Сигизмундъ велѣлъ изготовиться къ приступу. 3-го Іюня 1611 года положено было, чтобъ Яковъ Потоцкій, Кастеланъ Каменецкій съ нѣсколькими тысячами отборныхъ казаковъ, атаковалъ восточную часть города, Маршалъ Литовскій Монвидъ Дорогостайскій и Варѳоломей Новодворскій Малтійскій кавалеръ приступили къ сѣверной; Стефанъ Потоцкій и Нейкирхъ съ пѣхотнымъ полкомъ Вайера или Вейгера къ восточной и южной сторонамъ. Въ полночь 3 Іюня, Потоцкій, въ головѣ спѣшившейся дворянской конницы и казаковъ взобравшись по лѣсницамъ на валъ, первый ворвался чрезъ стѣны, и проломъ въ крѣпость; въ тоже время полкъ Вейгера овладѣлъ стѣною съ другой стороны; стоявшіе справа отъ Потоцкаго Русскіе дрались съ величайшимъ ожесточеніемъ и самоотверженіемъ, успѣхъ дѣла былъ сомнителенъ.... Скоро Нейкирхъ также взобрался по лѣстницамъ на стѣну, гдѣ начался кровопролитнѣйшій бой. Поддерживаемые огнемъ своихъ батарей, штурмующіе утвердились на части стѣны, Русскіе продолжали защищаться въ башняхъ и внутреннихъ укрѣпленіяхъ. Поляки поколебались, но Дорогостайскій нашелъ мину близь Днѣпровскихъ воротъ, и, взорвавъ ея рѣшилъ битву въ пользу нападающихъ. Чрезъ открывшуюся брешь онъ ворвался въ городъ съ королевскими тѣлохранителями; тоже самое сдѣлали Потоцкій и Новодворскій, одолѣвши всѣ препятствія. Жители и народъ долго еще держались въ улицахъ, домахъ и развалинахъ; въ храмахъ совершались моленія. Звуки колоколовъ и святое пѣніе въ церквахъ сливались съ воплями и стонами сражавшихся и моленіями женъ и старцевъ. Семейства многихъ купцовъ и гражданъ заперлись въ церкви Божіей матери съ своими богатствами и сокровищами. Смольяне зажгли порохъ и взлетѣли на воздухъ съ имѣніемъ и дѣтьми, но съ любовію въ сердцѣ къ отечеству и съ упованіемъ на Бога истинны и правды.

Отъ страшнаго грома и треска, произведеннаго взрывомъ непріятель оцѣпѣнелъ, онъ забылъ на время даже свою побѣду и съ ужасомъ видѣлъ весь городъ объятый огнемъ, въ которой жители бросали все, что имѣли драгоцѣннаго и наконецъ бросались туда сами съ женами своими, чтобъ оставить непріятелю только одинъ пепелъ. На улицахъ и

площадяхъ лежали груды сожженныхъ тѣлъ. Смоленскъ явился новымъ Сагунтомъ, по сказанію самихъ же польскихъ Историковъ и не Польша, но Россія, прибавляетъ Карамзинъ, могла торжествовать сей день, великій въ ея лѣтописяхъ.

Шеинъ сдался Потоцкому: между плѣнниками были Архіепископъ Сергій, воевода Князь Горчаковъ и дѣти боярскіе. Но дорого обошлась и полякамъ эта побѣда хотя Сигизмундъ въ восторгѣ отъ успѣха и далъ Потоцкому грамоту на староство Брацлавское, оставшееся послѣ смерти брата его Яна;—въ лагерѣ подъ Смоленскомъ три дня угощалъ онъ сподвижниковъ, даже велѣлъ изобразить на медаляхъ взятіе Смоленска и съ гордостію извѣстилъ о томъ бояръ Московскихъ, которые отвѣчали ему, что, сѣтуя о гибели единокровныхъ братьевъ, радуются его побѣдѣ надъ непослушными и славятъ Бога. (*)

Скоро послѣ взятія Смоленска, Шеина привели въ королевскій станъ и пытали по 27 вопроснымъ пукнктамъ. Между прочими, для насъ особенно интересны слѣдующіе:

Вопросы Шеину и отвѣты его: 1.) Для чего, въ какой надеждѣ, послѣ сдачи Столицы не хотѣлъ сдать Смоленска на имя королевское? Отвѣтъ. Одну надежду имѣлъ, что король отступитъ отъ Смоленска, давши сына на царство Московское, о чемъ прислана была грамота изъ Москвы. 5.) Для чего не слушалъ совѣтовъ Архіепископа и втораго воеводы Горчакова, чтобъ сдать Смоленскъ? О. Отъ Горчакова ничего не слыхалъ; Архіепископъ же одинъ только разъ сказалъ, когда начались сношенія съ послами Московскими и привезены были условія отъ Сенаторовъ. Такія слова онъ только разъ въ большой толпѣ людей сказалъ, а прежде, сначала осады, Архіепископъ часто его, Шеина, упрекалъ, за чѣмъ промысла надъ непріятелемъ не чинитъ, языковъ не достаетъ и на вылазки людей не пускаетъ. 6.) Что замышлялъ дѣлать послѣ, еслибы отсидѣлся въ Смоленскѣ? О. Всѣмъ сердцемъ былъ я преданъ королевичу; но если бы король сына на царство не далъ, то, такъ

(*) См. Собраніе Государственныхъ Грамотъ, II.550.

какъ земля безъ Государя быть не можетъ, поддался бы тому, кто бы былъ царемъ на Москвѣ. 7.) Кто ему совѣтовалъ и помогалъ такъ долго держаться въ Смоленскѣ? О. Ни кто особенно, потому что никто не хотѣлъ сдаваться. 8.) Прежде чѣмъ король пришелъ подъ Смоленскъ, отъ кого онъ, Шеинъ, получалъ вѣсти изъ Польши и Литвы? О. Отъ холоповъ пограничныхъ. 17.) Сколько было доходовъ отъ волостей Смоленскихъ до осады, и куда они дѣвались? На этотъ вопросъ Шеинъ отвѣчалъ обстоятельно; по его словамъ въ казнѣ было 900 рублей. 19.) Незакопаны ли гдѣ нибудь въ Смоленскѣ деньги? О. Незнаю. 20.) Васька Полочанинъ съ чѣмъ приходилъ въ Смоленскъ? О. Сказалъ, что король послалъ въ Ригу за пушками. 22.) Кто привозилъ соль и другіе запасы изъ королевскаго обоза въ Смоленскъ? О. Родственники Смольнъ, бывшіе въ обозѣ. 23.) Изъ Смоленскихъ дѣтей боярскихъ съ кѣмъ имѣлъ сношенія и что они ему совѣтовали? О. Ни съ кѣмъ. 24.) Сколько было снаряду въ Смоленскѣ? О. Орудій 170, пороху 8,500 пудовъ при началѣ осады.

Такъ съ безпримѣрнымъ мужествомъ выдержалъ Смоленскъ грозную осаду Поляковъ и съ геройскимъ самоотверженіемъ принялъ на себя тѣ тяжкіе удары, которые готовились всей землѣ Русской. Но и самая побѣда дорого стоила Сигизмунду: едва третья часть королевской рати осталась въ живыхъ, огнемъ лишенная добычи, она потеряла и и ревность къ дальнѣйшимъ подвигамъ, или вѣрнѣе сказать— варварскимъ нападеніямъ, такъ что, слушая торжественную благодарность Сигизмунда за совершенное великое дѣло, воины столько разъ манимые наградами и столько разъ обманутые смѣялись надъ новымъ щедрымъ обѣщаніемъ короля.

При такомъ положеніи войска, испытавши твердость Русскихъ, королю нечего было и думать о Московскихъ дѣлахъ и Московскомъ Государствѣ; онъ распустилъ остатки своего войска, а самъ уѣхалъ на сеймъ въ Варшаву.

ОБЪЯСНЕНІЯ.

1.) Войтеховъ писалъ Шеину, что Сендомирской воевода на сеймѣ именемъ Димитрія обязался отдать польшѣ Смоленскъ и сѣвѣрскую землю, и еслибъ Мнишекъ въ этомъ не присягнулъ, то Поляки непремѣнно посадили бы Королевича на Царство Московское.

2.) Универсалъ или Манифестъ Сигизмунда данъ въ станѣ, на границѣ Смоленской, 19-го Сентября 1609 года, онъ помѣщенъ во II томѣ сочиненія Немцѣвича, въ примѣчаніи подъ № VII. Въ немъ сказано, что по смерти послѣдняго Рюриковича, Царя Ѳеодора, стали Московскими Государями люди не царскаго рода, и не по Божію изволенію, но собственною волею, насиліемъ, хитростію и обманомъ, вслѣдствіе чего возстали братъ на брата, пріятель на пріятеля, что многіе изъ большихъ, меньшихъ и среднихъ людей Московскаго Государства и даже изъ самой Москвы, видя такую гибель, били челомъ Сигизмунду, чтобы онъ, какъ царь христіанскій и наиближайшій родичь Московскаго Государства, вспомнилъ свойство и братство съ природными старинными Государями Московскими, сжалился надъ гибнущимъ Государствомъ ихъ. И вотъ Сигизмундъ, самъ идетъ съ большимъ войскомъ не для того, чтобъ проливать кровь Русскую, но чтобъ оборонять Русскихъ людей, стараясь болѣе всего о сохраненіи Православной Русской вѣры. По этому Смольяне должны встрѣтить его съ хлѣбомъ и солью, и тѣмъ положить всему дѣлу

доброе начало, а въ противномъ случаѣ войско Королевское ни кого не пощадитъ.

3.) Условія, написанныя 4 Февраля русскими и польскими Тушинцами, на основаніи которыхъ Владиславъ могъ быть признанъ царемъ Московскимъ слѣдующія: 1) чтобы онъ вѣнчался на царство въ Москвѣ отъ русскаго Патріарха по старому обычаю. Но Король прибавилъ отъ себя, что это условіе будетъ исполнено, когда водворится совершенное спокойствіе въ государствѣ. 2) чтобъ Святая вѣра Греческаго закона оставалась неприкосновенною, чтобъ учители Римскіе, Лютеранскіе и другихъ вѣръ раскола церковнаго не чинили. Если люди Римской вѣры захотятъ приходить въ церковь Греческую, то должны приходить со страхомъ, какъ прилично православнымъ христіанамъ, а не съ гордостію, не въ шапкахъ, псовъ съ собою въ церковь не водили бы и не сидѣли бы въ церквѣ не въ положенное время. Король прибавилъ, чтобъ и для поляковъ былъ выстроенъ костелъ, въ который Русскіе должны входить съ благоговѣніемъ. 3) Король и сынъ его обязались чтить гробы и тѣла Святыхъ, чтить Русское духовенство на равнѣ съ Католическимъ и не вмѣшиваться въ дѣла и суды церковные. 4) Обязались не только нетрогать имѣній и правъ духовенства, но и распространять ихъ. 5) Въ томъ же самомъ обязались относительно бояръ, окольничихъ, всякихъ думныхъ, ближнихъ и приказныхъ людей. 6) Служилымъ людямъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ жалованье выдавать какъ при прежнихъ законныхъ Государяхъ. 7) Также точно поступать съ ружниками и оброчниками. 8) Судамъ быть по старинѣ, перемѣна законовъ зависитъ отъ бояръ и всей земли. 9) Между Московскимъ Государствомъ, короною польскою и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ быть оборонительному и наступательному союзу противъ всѣхъ непріятелей. 10) На татарскихъ украинахъ держать обоимъ государствамъ людей сообща, о чемъ должно переговорить думнымъ боярамъ съ панами радными. 11) Никого не казнить не осудя прежде съ боярами и думными людьми; имѣніе казенныхъ отдавать наслѣдникамъ и король не долженъ ни кого вызывать въ Литву и Польшу. Великихъ чиновъ людей невинно не понижать, а меньшихъ людей возвышать по заслугамъ. Послѣднее условіе написано подъ диктовку русскихъ выс-

кочекъ выдвинувшихся бурями смутнаго времени впередъ, и потому хотѣвшихъ удержать свое положеніе. Выговорили и другое условіе: для науки вольно каждому изъ народа Московскаго ѣздить въ другія государства христіанскія, кромѣ бусурманскихъ поганскихъ, и Государь отчинъ, имѣній и дворовъ у нихъ за то отнимать не будетъ. Это условіе написано приверженцами перваго Лжедимитрія, осуждавшаго русскихъ дворянъ въ невѣжествѣ и обѣщавшаго имъ позволеніе на выѣздъ за границу. 12) Русскихъ плѣнниковъ, отведенныхъ въ Польшу возвратить. 13) Польскимъ и Литовскимъ панамъ не давать правительственныхъ мѣстъ въ Московскомъ Государствѣ; тѣхъ пановъ, которые должны будутъ остаться при Владиславѣ, награждать денежнымъ жалованьемъ, помѣстьями и отчинами, но съ общаго совѣта обоихъ государствъ, также король долженъ переговорить съ боярами о томъ, чтобы въ пограничныхъ крѣпостяхъ польскіе люди могли оставаться до совершеннаго успокоенія государства. Понятно съ какою цѣлію было внесено поляками послѣднее условіе: въ случаѣ сопротивленія восточныхъ областей король могъ удержать въ своихъ рукахъ по крайней мѣрѣ пограничныя мѣста. 14) Подати будутъ сбираться по старинѣ; Король не можетъ прибавлять никакой новой подати безъ согласія думныхъ людей; податямъ должны подлежать только мѣста заселенныя. 15) Между обоими государствами вольная торговля; русскіе купцы могутъ ѣздить и въ чужіе страны чрезъ Польшу и Литву; тамчи (*) остаются старыя. 16) Крестьянскій переходъ запрещается въ Московскихъ областяхъ, также между Московскими областями и Литвою. 17) Холопей невольниковъ господскихъ оставить въ прежнемъ положеніи, чтобы служили господамъ своимъ по прежнему и вольности имъ король давать не будетъ. 18) О казакахъ Волжскихъ, Донскихъ, Яицкихъ и Терскихъ король долженъ держать совѣтъ съ боярами и думными людьми: будутъ ли эти казаки надобны или нѣтъ.

4.) Въ грамотахъ, разосланныхъ по городамъ отъ 20-го Іюля 1610 года, Москва объявляла: видя междоусобіе между православными христіанами, Польскіе и Литовскіе лю-

---

(*) Пошлины за привозимый товаръ.

ди пришли въ землю Московскаго Государства и многую кровь пролили, церкви и монастыри разорили, Святынѣ поругались и хотятъ Православную вѣру въ латинство превратить; польскій король стоитъ подъ Смоленскомъ, Гетманъ Жолкѣвскій въ Москвѣ, а воръ въ Коломенскомъ; Литовскіе люди, по ссылкѣ съ Жолкѣвскимъ, хотятъ государствомъ Московскимъ завладѣть, Православную вѣру разорить, а свою Латинскую ввести. И мы продолжаютъ Москвичи, поговоря между собою и услыша отъ всякихъ людей украинскихъ городовъ, что Государя Царя Василія Ивановича на Московскомъ государствѣ не любятъ, къ нему не обращаются и служить ему не хотятъ, кровь христіанская междоусобная льется многое время, всталъ отецъ на сына и сынъ на отца, другъ на друга, — видя всякіе люди Московскому Государству такое конечное раззореніе, били челомъ ему, Государю, всею землею, всякіе люди, чтобъ онъ государство оставилъ для междоусобной брани и для того: которые люди, боясь отъ него опалы, или его не любя, къ нему и ко всему Московскому Государству не обращаются, тѣ бы всѣ были въ соединеньѣ и стояли бы за Православную христіанскую вѣру всѣ за одно. И Государь Государство оставилъ, съѣхалъ на свой старый дворъ и теперь въ чернецахъ; а мы цѣловали крестъ на томъ, что намъ всѣмъ противъ враговъ стоять всѣмъ государствомъ за одно и вора на государство не хотѣть. И вамъ бы всѣмъ, всякимъ людямъ, стоять съ нами вмѣстѣ за одно и быть въ соединеньѣ, чтобъ наша Православная христіанская вѣра неразорилась, и матери бы наши, жены и дѣти въ Латинской вѣрѣ не были.

5.) Отрывокъ изъ письма Королевы Констанціи Льву Сапѣгѣ: „ты начинаешь терять надежду на возможность взять Смоленскъ, и совѣтуешь Королю на время отложить осаду: заклинаемъ тебя, чтобъ ты такого совѣта не подавалъ, а вмѣстѣ съ другими Сенаторами настаивалъ на продолженіе осады: здѣсь дѣло идетъ о чести не только королевской, но и цѣлаго войска.“

6.) Грамота жителей волостей Смоленскихъ къ братьямъ своимъ, Московскаго Государства: мы братья и сродники, потому, что отъ Святой Купели Св. крещеніемъ породнились; мы покорились полякамъ, дабы не отбыть Православ-

наго христіанства и неподвергнуть ея конечной гибели, и,
не смотря на то, подвергаемся ей: вѣра поругана, и цер-
кви Божіи разорены. Гдѣ наши головы? гдѣ жены и дѣти,
братья, родственники и друзья? Кто изъ насъ ходилъ въ
Литву и Польшу выкупать своихъ матерей, женъ и дѣтей,
и тѣ свои головы потеряли; собранъ былъ Христовымъ
именемъ окупъ и то все разграблено! Если кто хочетъ изъ
васъ померетъ христіанами, да начнутъ великое дѣло
думами своими и головами, чтобъ быть всѣмъ христіанамъ
въ соединеніи. Неужели вы думаете жить въ мирѣ и по-
коѣ? Мы не противились, животы свои всѣ принесли — и
всѣ погибли, въ вѣчную работу и латинство понели. Если
не будите теперь въ соединеніи, обще со всею землею, то
горько будете плакать и рыдать неутѣшеннымъ вѣчнымъ
плачемъ: перемѣнена будетъ христіанская вѣра въ латин-
ство и разорятся божественныя церкви со всею лѣпотою
и убіенъ будетъ лютою смертію родъ вашъ христіанскій,
поработятъ, осквернятъ и разведутъ въ полонъ матерей,
женъ и дѣтей вашихъ."

7.) Въ совѣтѣ Королевскомъ написаны были другаго
рода условія: 1) стражѣ у городскихъ воротъ быть попо-
ламъ королевской и городской, однимъ ключамъ быть у
воеводы, а другимъ у начальника польскаго отряда. 2) Ко-
роль обѣщаетъ не мстить гражданамъ за ихъ сопротивле-
ніе и грубости и безъ вины никого не ссылать. 3) Когда
Смольяне принесутъ повинную и исполнятъ все требуемое,
тогда король сниметъ осаду и городъ останется за Мос-
ковскимъ государствомъ впредь до дальнѣйшаго разсужде-
нія. 4) Смольяне передавшіеся прежде королю, не подчи-
нены суду городскому, но вѣдаются польскимъ началст-
вомъ. 5) Смольяне обязаны заплатить королю всѣ воен-
ные убытки, причиненные ихъ долгимъ сопротивленіемъ.

8.) Первая глава этой статьи составлена по сочиненіямъ:
Кобержицкаго, Патнина, Кулеши, Стебельскаго, Нѣмцевича
и другимъ матеріаламъ. Вторая же глава—по вышеупомя-
нутымъ сочиненіямъ и при томъ еще по Машкевичу, На-
рушевичу, Беру, особенно же по Карамзину и Соловьеву.

9.) Объясненіе нѣкоторыхъ техническихъ выраженій:
абшнитъ (отрѣзъ, перекопъ, ретраншаментъ), укрѣпленіе

устроиваемое въ бастіонѣ, для замедленія непріятельскаго приступа. *Брешь.* Подъ этимъ словомъ разумѣется проломъ въ крѣпостной стѣнѣ, или обвалъ въ земляномъ валѣ, производимый дѣйствіемъ орудій или минъ, для доставленія осаждающимъ средствъ взять укрѣпленіе открытою силою или холоднымъ оружіемъ. *Куртина.* Линія, соединяющая два фланга бастіона, обороняемая фронтальнымъ огнемъ и перекрестнымъ съ флангомъ и частью съ фасовъ бастіона, она подвержена непріятельскому нападенію менѣе другихъ частей бастіоннаго расположенія. Въ куртинахъ обыкновенно располагаются выходы изъ укрѣпленій. *Петарда* — ракета. Стебельскій говоритъ, что петарда, которою Новодворскій взорвалъ Днѣпровскую башню, содержала 50 центнеровъ пороха. *Тамга*—прежній видъ пошлины съ товаровъ. *Тушино*, село въ 12 верстахъ отъ Москвы по волоколамской дорогѣ, сдѣлалось извѣстно по пребыванію въ немъ втораго самозванца, который отъ этого часто называется „Тушинскимъ,“ Лжедимитрій вступилъ въ Тушино 1-го Іюля 1608 года съ своими поляками и русскими, думая однимъ явленіемъ взволновать Москву и свергнуть Царя Василія. Онъ укрѣпился въ Тушинѣ валомъ и глубокими рвами, которыхъ слѣды видны и нынѣ.

Михаилъ Борисовичъ Шеинъ, бояринъ и воевода. Въ царствованіе Бориса Годунова онъ имѣлъ званіе Чашника; въ 1607 году возведенъ въ бояре, а въ 1609 году начальствовалъ въ Смоленскѣ. Послѣ здачи Смоленска, Шеинъ отосланъ былъ въ Литву,—онъ девять лѣтъ содержался въ Варшавѣ вмѣстѣ съ Филаретомъ, Голицынымъ и Мезецкимъ. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича при объявленіи полякамъ войны, Шеинъ былъ назначенъ главнымъ воеводою, онъ обложилъ Смоленскъ многочисленнымъ войскомъ, осада продолжалась десять мѣсяцевъ: голландскія пушки и подкопы разрушали стѣны, и осажденные готовы уже были сдаться, но Король Владиславъ отбилъ Шеина отъ Смоленска и принудилъ его заключиться въ окопахъ, гдѣ русскіе должны были выдержать стремительныя атаки, а вскорѣ изъ наступательнаго положенія они перешли въ оборонительное, Владиславъ занялъ въ тылу ихъ Дорогобужъ, гдѣ была складка съѣстныхъ припасовъ; нѣсколько разъ Шеинъ пытался выйти изъ окоповъ, чтобы смѣлымъ ударомъ рѣшить борьбу, но напрасно, его войско

упало духомъ. Второстепенные воеводы слабо содѣйствовали главному полководцу; генералы и полковники иностранные ссорились и рѣзались другъ съ другомъ; въ лагерѣ открылись повальныя болѣзни, цѣлые полки бѣжали въ свои области, опустошенные крымскими татарами, нападавшими на украину. Болѣзни и побѣги такъ ослабили войско, что Шеинъ ожидалъ спасенія изъ одной Москвы. Высланные къ нему на помощь Князья Черкасскій и Пожарскій не рѣшились идти далѣе Можайска. Шеинъ былъ принужденъ заключить капитуляцію, оставилъ королю весь свой лагерь, гдѣ находилось 123 орудія и вывелъ одно войско. По возвращеніи въ Москву, онъ былъ казненъ, какъ измѣнникъ 1634 г. Подробнѣе объ этомъ см. сочиненія: Квяткевича, Кулеши, Неселовскаго, La Combe и другихъ авторовъ.

